

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 4 (15), 2015

История

рия

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-60993 от 5 марта 2015 г.

Учредитель ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. Н. Егоров, д-р экон. наук
(председатель)
С. А. Сырбу, д-р хим. наук
(зам. председателя)
В. И. Назаров, д-р психол. наук
(зам. председателя)
К. Я. Авербух, д-р филол. наук (Москва)
Ю. М. Воронов, д-р полит. наук
Н. В. Усолицева, д-р хим. наук
Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)
О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук
Л. В. Михеева
(ответственный секретарь)

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»:

А. А. Григорян, д-р филол. наук
(главный редактор серии)
О. М. Карпова, д-р филол. наук
А. Н. Таганов, д-р филол. наук
О. А. Павловская, канд. филол. наук
А. А. Корников, д-р ист. наук
Д. И. Польшин, д-р ист. наук
К. Е. Балдин, д-р ист. наук
В. М. Тюленев, д-р ист. наук
Г. С. Смирнов, д-р филос. наук
Т. Б. Кудряшова, д-р филос. наук
Д. Г. Смирнов, д-р филос. наук

Адрес редакции (издательства):

153025 Иваново, ул. Ермака, 39, к. 362
тел./факс: (4932) 32-66-00
e-mail: dipol53@mail.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

Issue 4 (15), 2015

History

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Registration certificate III № ФС77-60993 of March 5, 2015

Founded by Ivanovo State University

EDITORIAL COUNCIL:

V. N. Egorov, Doctor of Economics
(Chairman)

S. A. Syrbu, Doctor of Chemistry
(Vice-Chairman)

V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)

K. Ya. Averbuch, Doctor of Philology
(Moscow)

Yu. M. Voronov, Doctor of Politics

N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry

Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy
(Moscow)

O. A. Khasbulatova, Doctor of History

L. V. Mikheeva (Secretary-in-Chief)

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES «THE HUMANITIES»:

A. A. Grigoryan, Doctor of Philology
(Chief Editor of the Series)

O. M. Karpova, Doctor of Philology

A. N. Taganov, Doctor of Philology

O. A. Pavlovskaya, Candidate
of Science, Philology

A. A. Kornikov, Doctor of History

D. I. Polyvyanny, Doctor of History

K. E. Baldin, Doctor of History

V. M. Tyulenev, Doctor of History

G. S. Smirnov, Doctor of Philosophy

T. B. Kudryashova, Doctor of Philosophy

D. G. Smirnov, Doctor of Philosophy

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo, Ermak str., 39, office 362
tel./fax: (4932) 32-66-00
e-mail: dipol53@mail.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история

Евсеев В. А. К вопросу о внешней торговле Бристоля в XVII в. (Структура и основные направления)	5
Зобнин А. В. Консультации Г. Киссинджера и А. Добрынина по вопросу разработки Хельсинкского акта	11
Пикин А. В. Социальный статус кандидатов для посольской миссии Восточной империи в 430—470-х гг. (На материале Приска Панийского)	20

Отечественная история

Балдин К. Е. Русские православные паломники и греческая церковь в Палестине во второй половине XIX — начале XX в.	29
Ильин Ю. А. Коммунисты «красной» губернии в годы нэпа: завершение процесса перерождения пролетарского ядра внутри провинциальных парторганизаций (вторая половина 1923 г. — 1928 г.)	42
Костылёва Е. Л., Трейло Ж. (Treuillet J.), Уткин А. В. Костяной инвентарь льяловских захоронений могильника Сахтыш Па (Из фондов археологического музея ИВГУ)	49
Осипова Н. А. Влияние профсоюзных структур на полномочия и деятельность губернских касс социального страхования в 1921—1925 гг. (По материалам Верхнего Поволжья)	58
Юдин К. А. Реорганизации партийно-государственного аппарата СССР и методы политического контроля над региональной номенклатурой во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг.	63

Из истории археологического изучения Ивановской области

Костылёва Е. Л., Уткин А. В. К 85-й годовщине со дня рождения О. С. Гадзяцкой	75
<i>Сведения об авторах</i>	78
<i>Информация для авторов «Вестника Ивановского государственного университета»</i>	79

CONTENTS

General history

- Evseev V. A.** On the question of Bristol's overseas trade in the xvii century
(the structure and main trends) 5
- Zobnin A. V.** H. Kissinger — A. Dobrynin negotiations on Helsinki final act
design 11
- Pikin A. V.** Social status of envoy candidates of the Eastern Empire
in 430—470 A. D. (Based on works of Priscus of Panium) 20

Russian history

- Baldin K. E.** Russian orthodox pilgrims and the greek church in Palestine during
the second half of XIX — beginning of the XX c. 29
- Ilyin Y. A.** The red province's communists during the new economic policy years:
the completion of the process of the proletarian core degeneration within pro-
vincial party organizations (2nd half of 1923 — 1928) 42
- Kostyleva E. L., Treuillot J., Utkin A. V.** Bone inventory of Iyalovo culture Ceme-
tery burials Sahtysh Ila (Based on IvSU museum of archeology funds) 49
- Osipova N. A.** Trade union's Influence on the rights and activities of provincial
offices of social insurance in 1921—1925 (Drawing on the example of Upper
Volga region) 58
- Yudin K. A.** Reorganization of the USSR's party-state apparatus and methods
of political control over regional nomenclature during the second half of 1940-s
— beginning 1950-s 63

From the History of the Archeological Study of Ivanovo Region

- Kostyleva E. L., Utkin A. V.** To the 85th anniversary of O. S. Gadzjatskaja 75
- Information about the authors* 78
- Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»* 79

ББК 63.3(4Вел)51-201

В. А. Евсеев

К ВОПРОСУ О ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ БРИСТОЛЯ В XVII в. (Структура и основные направления)

Статья посвящена развитию внешней торговли Бристоля в XVII в. Она показывает основные направления торговли бристольских купцов, структуру экспортируемых и импортируемых товаров и изменения, которые произошли в этих областях в эпоху раннего Нового времени.

Ключевые слова: основные направления торговли, структура товаров.

The article is devoted to the development of the overseas Trade of Bristol in the XVII-th century. It shows the main trends of Bristol's merchants overseas trade, the structure of goods imported and exported as well as the transformations which happened in these fields in the early Modern Times.

Key words: main trends of merchandise, the structure of goods.

Период раннего Нового времени в истории Англии был отмечен глубокими сдвигами во всех сферах жизни в стране. Великие географические открытия создали благоприятные условия для торговой и колониальной экспансии Англии. Расширение торговых областей путем образования колоний привело к увеличению ассортимента импортируемых товаров. В Англии появляются новые формы внешней торговли — монопольные торговые компании, в частности Левантийская, Ост-Индская, Московская, Восточная и др. Организационные формы английской внешней торговли эпохи Тюдоров были затронуты в целом ряде работ отечественных исследователей [3, 5, 8].

Значение внешней торговли в истории Англии в XVII в. нельзя переоценить. Импортное сырье способствовало развитию текстильной промышленности, стимулировало развитие ряда новых отраслей производства. В данной работе анализируем английскую внешнюю торговлю в XVII в. на примере второго по величине города-порта того времени — Бристоля.

В течение всего средневековья Бристоль входил в тройку самых крупных английских провинциальных городов (по количеству населения и богатству). Первым после Лондона Бристоль получил и статус графства в 1373 г., что являлось признанием его роли в жизни страны [2, с. 76].

К 1350 г. Бристоль стал главным портом в торговле с Гасконью, поскольку оттуда бристольцы импортировали сырье для отделки сукна и, конечно, вино. Импорт последнего в Англию достигал примерно 2 млн галлонов в 1440 г., что составляло почти 1/3 стоимости всего импорта, и в этой торговле Бристоль занимал командные позиции [9, р. 180—181]. В отечественной историографии наиболее подробно о средневековом Бристолье писала

Т. В. Мосолкина [6]. Она, в частности, отмечала, что основными направлениями торговли его купцов в XIV—XV вв. были порты Франции, Испании, Португалии и Ирландии [с. 39]. Основным предметом экспорта Бристоля являлось сукно. Импортировали главным образом вино и сырье. Франция и Испания поставляли в крупных размерах вино, железо, сырье для текстильной промышленности. Португалия торговала с Бристолем вином и продовольствием [6, с. 69—70].

В начале XV в. бристольтцы возобновили торговлю с Исландией и в конце XV в. заняли в ней ведущие позиции. В середине XV в. Бристоль установил прямую торговую связь с Левантом, а в начале XVI в. средиземноморская торговля города вместе с Лондоном и Саутгемптоном стала регулярной. К 1500 г. Бристоль занимал второе место после Лондона среди английских портов [2, с. 75]. Все успехи были обусловлены в первую очередь выгодным местоположением Бристоля. Благодаря теплым течениям порт круглый год был открытым для кораблей.

В начале XVII в. купцы Бристоля, как и столетием раньше, были связаны со старыми традиционными рынками Испании, Португалии, Ирландии и Франции. В 1620-е гг. к традиционным рынкам добавляется о. Барбадос, который был заселен британскими переселенцами в начале века, но корабли из Гамбурга, Майорки, Роттердама и Стокгольма в порт вовсе не заплывали. Но к середине XVII в. картина начинает меняться. В 1679 г. из Гамбурга прибыли 4 корабля, Майорки — 2, Роттердама — 16 кораблей [11, р. 281].

В 1619 г. из 146 кораблей, прибывших в порт Бристоля, 25 были из Франции, 82 — из Ирландии, 15 — из Испании, 8 — из Португалии, 5 — из Канады, 6 — из Ньюфаундленда, 1 — из Мадейры и 1 — из Алжира. В 1636—1637 гг. в Бристоль прибыли 176 судов примерно из тех же стран. Основным предметом вывоза по-прежнему было сукно различных сортов. Во второй половине XVII в. Бристоль стал развивать трансатлантическую торговлю. В 1659—1660 гг. в порт прибыли 213 кораблей, из них 14 — из Вирджинии, 10 — из Барбадоса, 5 — из Невиса, 2 — Новой Англии, т. е. 14,5 % от всех прибывших кораблей. В 1658—1686 гг. из 267 кораблей, прибывших в Бристоль, 70 были из Нового Света, т. е. 26,2 % [11, р. 288—293].

В XVII в. наибольший интерес для купцов Бристоля представляли колонии Вест-Индии. Число плаваний в этом направлении вдвое превышало число плаваний в Новую Англию. Это соотношение, сложившееся уже в 30-е гг. XVII в., сохранилось и до конца столетия.

Таблица 1

Количество плаваний в Новый Свет из Бристоля в XVII в. [11, р. 281—282]

Страна	Годы				
	1600—1601	1620—1621	1637—1638	1678—1679	1699—1700
Новая Англия	—	—	2	28	24
Ньюфаундленд	9	6	3	3	9
Вест-Индия	—	—	4	50	50

Основными товарами, ввозимыми из Нового Света, были табак и сахар. Кроме того, в больших количествах ввозили различные сорта масел, индиго, имбирь, миндаль [11, р. 21]. Купцы реализовывали «новые» товары не только в Англии, но и за ее пределами. Барбадосский сахар реэкспортировался

во Францию и Нидерланды [11, р. 242—244], а табак — в северную Европу, в частности в Швецию [11, р. 268].

Из вышесказанного мы можем сделать вывод, что роль порта во внешней торговле Англии увеличивалась с каждым годом. Больше всего кораблей было из Ирландии, Испании и Франции. Это говорит о том, что названные страны по-прежнему являлись основными торговыми партнерами Бристоля и из них шел поток основного ассортимента товаров. Появление кораблей из Вирджинии, островов Барбадос и Невис связано с широкой колониальной экспансией, проводимой Англией в XVII в.

Большую роль в развитии взаимоотношений с иностранными торговцами играла королевская власть. Политика по отношению к своим купцам была покровительственной. В большинстве случаев это осуществлялось путем сдерживания деятельности противников компании. Так, например ганзейцам запрещалось вывозить сукно из Англии в район резиденции купцов-авантюристов в Нидерландах. Со временем привилегии и хартии купцов-авантюристов только расширялись. Об этом более подробно писала в своей книге С. П. Маркова [5].

Важным этапом в развитии внешней торговли XVII в. был Навигационный акт 1651 г., направленный на поощрение английского торгового флота и на уменьшение влияния Голландии на море. Данный документ требовал, чтобы импорт осуществлялся только на английских кораблях или на судах той страны, в которой произведены товары. В 1660 г. в Акт были внесены изменения, касающиеся колоний. Колониальные товары, такие как сахар, табак, хлопок и красители, все еще будут ввозиться в Англию на английских кораблях [10, р. 182].

Для удовлетворения требований буржуазии король создал два специальных совета: Совет по торговле и Совет по иностранным плантациям. В период с 1660 по 1696 г. основными целями Советов было регулирование внутренней и внешней торговли, поддержка промышленности и рыболовства. Также они должны были следить за тем, чтобы колонии приносили как можно больше доходов.

Бизнес во внешней торговле был облегчен тем фактом, что во многих странах резидентами были сами английские купцы, которые были готовы действовать для тех, кто оставался дома. Иногда конкретные члены из купеческих семей Бристоля жили некоторое время за границей, иногда целая ветвь семьи селилась в месте ее основного направления торговли. Например, сыновья сэра Томаса Эрла жили в Бильбао и он мог отправлять товар через них. Уильям Колстон имел одного сына, Ричарда, который был консулом в Марселе, а другой сын, Уильям, проживал в Лиссабоне [11, р. 15]. Можно констатировать, что Бристоль в XVII в. имел довольно широкий круг торговых партнеров в разных районах Европы и в колониях Нового Света. Во многом этому способствовало выгодное местоположение, позволявшее порту принимать корабли круглый год, также свою роль играла королевская власть, заинтересованная в развитии торговых отношений Англии.

Что касается ассортимента товаров, то он был разнообразен как в экспорте, так и в импорте. В самом Бристоле производилось большое количество разных товаров [4, с. 212—231].

Основными статьями экспорта Англии XVII в. оставались изделия из ткани и сукно. Сукноделие было ведущей отраслью английской промышленности. Подобная популярность английских тканей была связана

с относительной дешевизной по сравнению с тканями других европейских государств, в частности Франции и Венеции. Это было связано, прежде всего, с тем, что английские суконщики в целом — как мелкие ремесленники, так и предприниматели-капиталисты — находились в более благоприятных условиях, чем их конкуренты. Уникальная по богатству сырьевая база, дешевая рабочая сила обезземеленных крестьян, более высокий уровень развития капиталистических форм производства — все эти черты английского сукноделия были подмечены еще современниками [7, с. 57]. Разнообразные изделия из ткани и сукна, такие как холст, хлопок, канва, тонкое черное сукно, везли в Португалию. Экспорт хлопка от общего объема вывозимой текстильной продукции в Португалию составлял 80,8 %, тонкое черное сукно — 15,7 %, канва и холст — 3,5 % [11, р. 283].

Экспортировались также полезные ископаемые. Если более подробно проанализировать экспорт 1608—1609 гг., то он состоял из таких полезных ископаемых, как квасцы, латунь, железо и свинец [11, р. 282—283]. Основными направлениями экспорта данной продукции были Ирландия и Нидерланды. Экспорт квасцов составил 66,6 %, латуни — 33,3 % от общего объема вывоза данных полезных ископаемых. Что касается Нидерландов, то вывоз состоял из железа — 2,6 % и свинца — 97,4 %. [11, р. 288—295].

Если говорить об импорте, то ассортимент продуктов был намного разнообразнее по сравнению с экспортом. Особое место в импорте продуктов питания занимала рыба. Сельдь, лосось, рыба сушеная, треска, пикша ввозились из Ирландии, а также из Ньюфаундленда [11, р. 286—295]. Несмотря на такое разнообразие рыбной продукции, лидирующее место занимали лосось и сельдь. Основной поток рыбы шел из Ирландии, из Ньюфаундленда — 0,2 % от общего объема ввозимой рыбной продукции за 1685—1686 гг. [11, р. 290—291]. В большинстве случаев рыба шла для реэкспорта, так как для местного населения хватало добычи рыбаков Бристоля.

Еще одним импортируемым товаром была соль, привозимая из Испании и Франции. За 1685—1686 гг. было импортировано из разных районов Франции и Испании 47 243 кг соли. Большая часть продукта поставлялась из Франции — 72,2 % от общего объема. Часть импорта соли реэкспортировалась в Ирландию, где использовалась при засолке рыбы. В 1693 г. издается Акт о наложении пошлины на соль. Полученные средства были использованы на продолжение войны с Францией.

Кроме вышеперечисленных товаров, бристольские купцы импортировали фрукты, мед, орехи, сахар. Поставщиками на протяжении всего XVII в. этих товаров были Франция, Италия и о-ва Вест-Индии.

Главным импортером сахара были о-ва Вест-Индии. Например, импорт сахара в 1670—1671 гг. из этого региона составил 96,1 % ввозимого в Бристоль данного продукта [11, р. 290—291]. Стоит отметить, что коричневый сахар поставлялся не только непосредственно с места производства, но и путем реэкспорта в Новую Англию и Бостон из Восточной Индии.

Из Испании ввозили такие фрукты, как лимоны и апельсины, грецкие орехи, миндаль, белый виноград кишмиш. Из Франции импортировали чернослив, разные сорта изюма, грецкие орехи, а также мед. Грецкие орехи ввозились больше из Франции, чем из Испании. Так, например за 1685—1686 гг. грецких орехов из Франции было поставлено — 98 % [11, р. 287—288].

Данные виды товаров не способствовали развитию промышленности страны, но они приносили немалую прибыль. Право торговли на эти товары было монополизировано, и купцы, занимающиеся продажей вышеперечисленных продуктов, считались одними из самых состоятельных. Импорт данных продуктов показывает, что благосостояние Англии растет.

Что касается импорта вина, то согласно записям Портовых книг с сент. 1600 по дек. 1695 г. вина поставлялись из Франции, Испании, Португалии, о-вов Вест-Индии и Германии. С 1600—1613 гг. импорт испанского вина составляет 80,9 %, на втором месте стоят о-ва Вест-Индии — 18 %, и третье место занимала Франция — 1,1 %. С 1624—1655 гг. картина несколько меняется. Объемы ввозимого вина из Франции значительно увеличиваются и составляют 51,6 %, испанское вино — 33,6 %, а вино с о-вов Вест-Индии — 14,8 %. В период с 1670 по 1686 г. в импортерах вина появляются Португалия и Германия, поставляющая рейнское вино. От общего объема ввозимого вина доля португальского составляла — 1,8 %, доля вин Германии — 0,04 %. Основными импортерами винной продукции, так же как и в первой половине века, остаются Испания и Франция. Доля Франции — 70,4 %, а Испании — 27,7 %. Что касается конца XVII в., то с дек. 1694 по дек. 1695 г. объем ввозимой алкогольной продукции резко падает. В импортерах остаются Испания, Германия и Португалия. Одной из главных причин резкого падения объемов алкогольной продукции можно считать отсутствие французского импорта, а также уменьшение объемов ввоза испанского и португальского вина [11, р. 287—288].

Недоступность французской продукции была связана с ухудшением отношений с Францией. В 1688 г. правительство наложило запрет на импорт вина и бренди французского производства. Также уменьшение импорта алкогольной продукции было связано с войной с Францией 1689—1697 гг.

В английской импортной торговле XVII в. возрастает количество пряностей, таких как перец, тмин, патока, сушеный имбирь, пимента. Эти товары вывозились непосредственно из района их производства. Патока, сушеный имбирь, пимента ввозились с островов Вест-Индии, перец и тмин — из Франции [11, р. 286—294].

Кроме продуктов питания импортировались и непродовольственные товары. Это, например, железо, изделия из стекла, ткань, шерсть, древесина и табак. Остановимся на каждом из перечисленных товаров отдельно.

Железо импортировалось для использования внутри страны, так как собственные запасы могли удовлетворить лишь одну треть потребностей Англии. Оно ввозилось из Ирландии, Испании, Скандинавии, Франции и Нидерландов. Так, например, с 1685 по 1686 г. было ввезено 617 тонн железа, из них из Испании — 39 %, из Ирландии — 32 %, Нидерландов — 18,1 %, Скандинавии — 10,2 %, Франции — 0,7 % [11, р. 286—294]. Также в конце XVII в. из Нидерландов начинают ввозить готовые изделия из железа. Например, железные прутья — 18 тонн, железные решетки — 5 тонн, изделия из стекла — окна [11, р. 286—294].

Для развития текстильного производства Англии среди статей импортного происхождения встречаются красители. Например, марена — краситель красного цвета, привозимый из Испании, индиго — краситель для хлопка синего цвета, импортируемый с о-вов Вест-Индии. Данные виды товаров привозились для использования внутри страны в текстильной промышленности.

Стоит отметить, что с целью поощрения национальной промышленности и увеличения ввоза сырья вводились тарифы для привлечения иностранного сырья, причем плата за подобный импорт осуществлялась не в звонкой монете, а в английских промышленных товарах. Уже в 1611 г. в выпущенной Яковом I с целью систематизации импортных пошлин, на различные статьи так называемой «Налоговой книге» был выдвинут принцип устранения налогов на иностранное сырье [1, с. 99].

В 1685—1686 гг. к импортируемому сырью прибавляется древесина, поставляемая из Ирландии (графства Дингл), Роттердама, Риги. Из Ирландии было поставлено 50 % от общего объема ввозимой древесины [11, р. 286—294]. Такой ценный вид древесины, как бакаут, привозили с о-ва Барбадос, благодаря высокому уровню прочности он находил применение во многих отраслях, в том числе и в кораблестроении. Также для развития кораблестроения из Франции ввозилась смола, в том числе и каменноугольная, имеющая антикоррозийные свойства.

Во второй половине XVII в. в импорте из Испании появляется такой товар, как барилла. Она представляла собой золу, образовавшуюся в результате сжигания морских растений на берегах Испании. Использовалась в качестве соды.

Импортное сырье способствовало росту ряда отраслей текстильной промышленности, в частности производства постельного белья, полотен, шелка и тонких шерстяных тканей. Импортная торговля табаком, поставляемого с о-ва Барбадос, сахаром и продуктами стимулировала ряд вспомогательных производств, в том числе переработку табака, рафинирования сахара, изготовление кондитерских изделий [10, р. 169].

Делая вывод ко всему вышесказанному, необходимо сказать, что купцы Бристолья торговали разнообразной продукцией: продовольствием, сырьем, промышленными изделиями. В экспорте преобладали изделия из ткани и полезные ископаемые. Основными направлениями экспорта были Португалия, Ирландия и Нидерланды. Сукно экспортировалось в Португалию, а полезные ископаемые — в Ирландию и Нидерланды.

Если говорить об импорте, то ассортимент товаров был намного разнообразнее по сравнению с экспортом. Ирландия и страны Скандинавии импортировали рыбу, которая шла для реэкспорта. Главными импортерами вина на протяжении всего века были Испания и Франция, а также Германия и о-ва Вест-Индии. Объемы импорта вина к концу века резко упали, основной причиной этого была война с Францией, а также введение пошлины на алкогольную продукцию. Испания и Франция были конкурентами не только в поставке вина в Бристоль, но и в торговле грецкими орехами и солью. В XVII в. лидирующая роль по продаже этих видов товаров принадлежала Франции. Кроме вышперечисленных товаров из Испании и Франции привозили фрукты. Основным поставщиком сахара и специй были о-ва Вест-Индии. Кроме продуктов питания в Бристоль завозили железо, красители, древесину, изделия из стекла и железа. Железо импортировалось из Испании, Франции, Северной Европы, красители — из Испании и о-ва Барбадос, изделия из стекла и железа — из Нидерландов, древесина — из Ирландии, Нидерландов и о-ва Барбадос.

Можно констатировать, что наряду с традиционными направлениями торговли со странами юго-западной Европы (Франция, Испания, Португалия) во второй половине XVII в. значительное место стала занимать трансатлантическая торговля с о-вами Вест-Индии. Ассортимент товаров импорта

и экспорта через порт Бристоля был достаточно разнообразен, а его географическое месторасположение, где сходились большие внутренние водные пути, позволяло городу не только занимать командное положение в торговле Западной Англии, но и способствовало успеху его экономического развития в эпоху раннего Нового времени.

Библиографический список

1. *Бейдина Т. Е.* О некоторых особенностях торговой деятельности Ост-Индской компании в начале XVII века // Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма в Англии. Горький, 1980. С. 97—100.
2. *Евсеев В. А.* Английский город в Тюдоровскую эпоху: регионы и города. Иваново, 1995. 154 с.
3. *Евсеев В. А., Назарова А. А.* Восточная (Балтийская) компания в XVII в. // Вестник ИвГУ. Вып. 4. 2009. С. 3—9.
4. *Евсеев В. А.* Английский город в раннее Новое время: специфика регионального развития (социально-экономический аспект) / LAP LAMBERT Academic Publishing. Saarbrücken, 2011. 356 с.
5. *Маркова С. П.* Английские купцы-авантюристы. СПб., 2011. 192 с.
6. *Мосолкина Т. В.* Город Бристоль в XIV—XV веках: экономика, общественные отношения, социальная психология. Саратов, 1997. 216 с.
7. *Осокин М. Г.* Торговля Англии с Левантом и развитие английской промышленности в первой половине XVII века // Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма в Англии. Горький, 1980. С. 51—69.
8. *Штокмар В. В.* Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета. Л., 1962. 155 с.
9. Bristol and its adjoining counties. Bristol, 1955. 335 p.
10. *Clarkson L. A.* The pre-industrial economy of England, 1500—1750. L., 1971. 260 p.
11. Merchant and merchandise in the seventeenth century Bristol. Bristol, 1955. 323 p.

ББК 63.3(2)6-6

А. В. Зобнин

КОНСУЛЬТАЦИИ Г. КИССИНДЖЕРА И А. ДОБРЫНИНА ПО ВОПРОСУ РАЗРАБОТКИ ХЕЛЬСИНКСКОГО АКТА

Настоящая статья является попыткой системного анализа советско-американских двусторонних консультаций по вопросу подготовки и принятия Заключительного (Хельсинкского) акта по безопасности и сотрудничеству в Европе. В центре анализа оказываются позиции Г. Киссинджера и А. Добрынина, являющихся ключевыми участниками исследуемого консультационного процесса. В ходе исследования сделан вывод о том, что тактика и позиция советской стороны отличались крайней противоречивостью, что привело в итоге к смещению повестки дня консультаций в пользу общегуманитарных вопросов.

© Зобнин А. В., 2015

Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научно-исследовательской работы № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX — начала XXI в.: виртуальность и реальность».

2015. Вып. 4 (15). История •

Ключевые слова: Международная консультация, международные переговоры, модель Блэйка — Моутона, алгоритм Хопмана, Хельсинкский акт, Г. Киссинджер, А. Добрынин, консультационный процесс, ОБСЕ, социально-политическая коммуникация.

This article is an attempt to give a systemic analysis of Soviet-American bilateral consultations on Helsinki final act design and adoption. H. Kissinger's and A. Dobrynin's positions are in the center of this analysis. The author comes to the conclusion that due to the Soviet participants inconsistent and controversial position the agenda of consultations was focused on humanitarian questions.

Key words: International consultations, international negotiations, Blake — Mouton's model, Hopmann's algorithm, Helsinki final act, H. Kissinger, A. Dobrynin, consultation process, OSCE, socio-political communication.

Комплексная методология анализа международных переговоров в российской политической науке была сформирована в середине 1990-х гг. ведущими отечественными учеными, преподавателями МГИМО (университет) М. А. Хрустальевым [9], М. М. Лебедевой [6] и дополнена исследованиями М. Власовой [1]. Аналогичные исследования по теории и методологии анализа международной консультации, являющейся близкой к переговорам формой международной социально-политической коммуникации, подготовлены автором настоящей статьи [2, 3]. Не осталась без внимания российских исследователей и проблема изучения функционирования в консультативных структурах ряда международных межправительственных организаций (ОВД и СНГ) международных псевдоконсультаций [4]. В то же время за границами структурно-функционального анализа остались аспекты, связанные с изучением прецедентов международных консультаций, близких по структуре к переговорным процессам.

Цель настоящего исследования — построение рабочей модели анализа хода двусторонних международных консультаций, близких по своей структуре к переговорному процессу, на примере советско-американских консультаций по вопросу разработки Заключительного акта по безопасности и сотрудничеству в Европе (1970—1975 гг.).

Методологическая основа настоящего исследования представлена моделями Блейка — Моутона [10] и Хопмана [12, р. 82—84], наиболее адекватно объясняющих стратегии поведения сторон в консультационных и переговорных процессах.

Модель Блейка — Моутона достаточно лаконично и точно определяет соотношение позиций сторон, вступающих в международную коммуникацию (рис.).

Опираясь на исследования Р. Блейка и Дж. Моутона, американский психолог П. Т. Хопман разработал алгоритм стратегического анализа переговорного/консультационного процесса, получивший в зарубежной политической науке наименование «алгоритм Хопмана». В данном алгоритме для описания поведения каждой из участвующих в коммуникации сторон используются следующие термины: актор — инициатор действия и переговорного процесса; мишень — сторона, на которую направлено действие; поведение — ответная реакция сторон, совокупность тактико-стратегических установок участников переговоров.

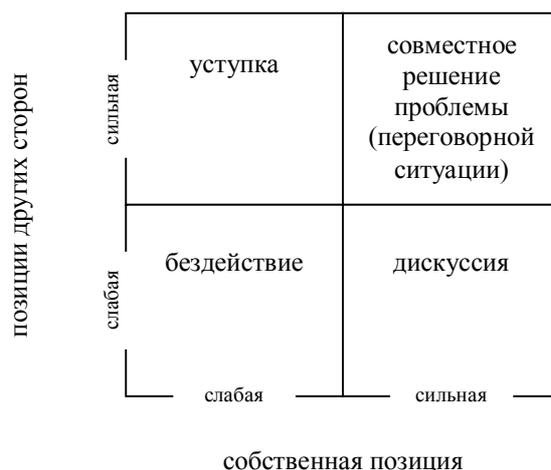

Рис. Модель соотношения позиций участвующих в международных переговорах/консультациях сторон (модель Блейка — Моутона)

Структурировав возможные поведенческие стратегии участников международной социально-политической коммуникации, П. Т. Хопман построил их комплексную типологию (табл.).

Типология поведенческих стратегий участников переговорного/консультационного процесса

Тип поведенческой стратегии	Характеристика стратегии	Действия актора по реализации стратегии
Независимое поведение	Поведение, формирующееся сторонами самостоятельно, исходя из предмета переговоров и проблемной/переговорной ситуации	— инициатива (актор оглашает свою предварительно сформулированную программу действий и позицию, делает встречное предложение мишеням); — одобрение (актор принимает встречное предложение мишени); — отклонение (актор отклоняет предложения мишени или уступки в его сторону); — уступка (актор признает точку зрения мишени, навязывает собственное мнение несмотря на противодействие мишени или модифицирует собственную позицию, чтобы та стала приемлемой для мишени); — включение (актор включает сделанные ему предложения в свою предварительно сформулированную позицию таким образом, чтобы сделать позицию менее приемлемой для мишени)
Конкурентное поведение	Поведение предполагает претворение или модификацию поведения мишени без признания необходимости изменений в части позиций актора	— передача (актор многократно повторяет программу действий с доступными для понимания положениями, которые могут быть изменены обстоятельствами, декларирует свое неучастие, отказывается идти на компромисс);

Окончание табл.

		<p>— угроза (актор намеревается применить негативные действия, например санкции, если поведение мишени не является допустимым);</p> <p>— обещание (актор намеревается применить позитивные действия, если поведение мишени является приемлемым);</p> <p>— требование (актор предупреждает мишень о способах достижения компромисса)</p>
Кооперативное поведение	Поведение, направленное на совместное решение проблемной/переговорной ситуации, убеждение сторон, что ее решение принесет выгоды всем участникам переговоров, выдвижение проектов, формул или программ возможных решений	<p>— постоянные встречи (актор привлекает мишень к совместной разработке, принятию и реализации решений);</p> <p>— мозговой штурм (актор привлекает стороны к совместному поиску вариантов решения проблемы);</p> <p>— создание формулы (актор предлагает сторонам формулу, базирующуюся на общих интересах, целях и задачах)</p>
Убеждающее поведение	Поведение, характеризующееся попытками воздействия на поведение других сторон через использование фактологических аргументов для изменения позиций других сторон	<p>— негативный прогноз (актор предупреждает мишень от совершения необдуманных действий);</p> <p>— позитивный прогноз (актор предсказывает позитивные результаты переговоров);</p> <p>— поддерживающий аргумент (актор представляет фактологический аргумент для подтверждения собственной точки зрения);</p> <p>— атакующий аргумент (актор выдвигает фактологический аргумент, опровергающий точку зрения мишени)</p>
Нормальное поведение	Поведение, базирующееся на конструктивном диалоге или дискуссии	<p>— согласие (актор принимает предложения мишени или аргумент);</p> <p>— несогласие (актор отвергает предложения или аргумент мишени);</p> <p>— вопрос (актор пытается получить информацию о позиции, интересах и целях мишени);</p> <p>— ответ (актор передает информацию о собственной позиции и интересах)</p>
Эмоциональное поведение	Поведение, содержащее эмоции и высказывания о ситуации и проблеме	<p>— позитивная эмоция (актор предпочитает говорить о групповой солидарности и общности проблем);</p> <p>— негативная эмоция (актор выражает недовольство сложившейся ситуацией и предпринимаемыми шагами по ее разрешению)</p>
Процедурное поведение	Поведение, определяющееся организационными правилами и процедурами, с учетом которых стороны вынуждены формулировать позиции	

Используя «алгоритм Хопмана», модель Блейка — Моутона и наработки российских исследователей, попытаемся провести анализ хода советско-американских международных консультаций по проблеме разработки и принятия Заключительного акта по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Тип международной социально-политической коммуникации (авторская классификация): международная консультация с элементами переговорного процесса.

Источниковая база анализа: стенограммы телефонных консультаций Г. Киссинджера и А. Добрынина, открытые и опубликованные Архивом национальной безопасности при Университете Дж. Вашингтона в июне 2004 г. (U.S. National Archives and Records Administration. Kissinger Papers : Kissinger/Dobrynin Telecons. Box 27, 28).

Хронологические рамки консультационного процесса: февраль 1970 г. — июль 1975 г.

Дата начала процесса: 1 февраля 1970 г. [14].

Участвующие стороны: специальный помощник президента США по вопросам национальной безопасности (1969—1975 гг.), госсекретарь США (1973—1977 гг.) Г. Киссинджер, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР А. Добрынин.

Инициатор консультационного процесса: советская сторона (А. Громыко) [5].

Тип консультаций:

1) по статусу (классификация М. Хрусталева [9, с. 76]) — консультации на высшем (дипломатическом) уровне;

2) по числу участников — двусторонние;

3) по содержанию — комплексные (многопроблемные);

4) по структуре — постоянные (регулярные);

5) по форме — конфиденциальные (однако следует заметить, что ни Г. Киссинджер, ни А. Добрынин не предполагали, что их телефонные разговоры прослушивала и записывала личный секретарь Г. Киссинджера, действующий сотрудник ЦРУ. Известно, что именно секретарь Г. Киссинджера помогла ему в написании мемуаров и ряда исследовательских работ);

6) по классификации Ф. Айкла [13, р. 116] — консультации о создании новых условий;

7) по классификации Т. Саати [8, с. 275] — консультации с положительной (ненулевой) суммой;

8) по классификации Ж. Бретт [11, р. 98—99] — интегративные.

Переговорная/консультационная ориентация (по классификации М. Власовой [1]): смешанная (совокупность проблемной и коммуникационной).

Становление повестки дня (предмета и проблемного поля) консультаций:

— в разговоре от 27 июля 1970 г. А. Добрынин впервые в одностороннем порядке озвучил проблему возможности совместных действий по ограничению вооружений в Европе [15, р. 1];

— в разговоре от 22 октября 1970 г. Киссинджер выразил желание начать переговоры по проблеме ограничения стратегических вооружений в Европе в рамках общеевропейского форума [16, р. 1];

— в разговоре от 16 марта 1971 г. Добрынин указал, что советская сторона готова начать переговоры с американской стороной по вопросу о противоракетной обороне, в ответ Киссинджер заявил, что должен проконсультиться с сенаторами [17, р. 1];

— 26 марта 1971 г. Киссинджер попросил уточнить, какого рода и вида соглашение о ПРО хочет достигнуть советская сторона [18, р. 1];

— в августе 1971 г. Киссинджер озвучил проблему Берлина и Европы в целом;

— 16 января 1973 г. А. Добрынин озвучил проблему начала консультаций в Хельсинки о повышении стабильности в Европе, в ответ Киссинджер предложил рассмотреть в рамках консультаций вопрос культурного сотрудничества [19, р. 1];

— в тот же день Киссинджер озвучил проблему политических заключенных в СССР [20, р. 1];

— 25 января 1973 г. Добрынин предложил создать рабочую группу из представителей стран Европы для формулировки и рассмотрения повестки дня переговоров в Хельсинки [21, р. 3];

— 27 января 1973 г. Киссинджер вновь поднял проблему европейской безопасности [22, р. 2];

— в конце января 1973 г. А. Добрынин сформулировал вопросы к обсуждению и предложил Г. Киссинджеру высказать свое мнение по следующим пунктам: а) сокращение войсковых соединений в Европе, б) проблема двустороннего разоружения, в) проблема участия стран советского блока в прелиминарных консультациях в Хельсинки [23, р. 3];

— 16 апреля 1973 г. Киссинджер предложил рассмотреть в рамках деятельности рабочей группы вопросы торговли [24, р. 2].

Окончательная повестка дня консультаций (проблемная/переговорная ситуация) сформулирована сторонами и согласована в конце мая 1973 г., она включала:

- 1) сокращение присутствия войск в Европе;
- 2) двустороннее сокращение стратегических наступательных вооружений;
- 3) расширение экономического и торгового сотрудничества;
- 4) расширение культурного взаимодействия сторон;
- 5) соблюдение прав человека в странах Европы и СССР;
- 6) права и статус политических заключенных в СССР и странах социалистического лагеря.

Особенности формирования повестки дня консультаций:

Повестка дня консультаций о СБСЕ стала своего рода побочным эффектом четырехсторонних соглашений по Берлину и ОСВ-1, подписанных в Женеве, и формировалась по пути своего расширения. Изначально она сводилась советской стороной к общевоенным проблемам и должна была стать логическим продолжением переговоров ОСВ-1, однако под нажимом американской стороны в повестку были включены культурные и экономические вопросы, навязана проблема соблюдения прав человека в СССР. Согласование повестки дня двусторонних американско-советских переговоров об СБСЕ шло параллельно деятельности рабочей группы, которая к июню 1973 г. достигла Заключительной договоренности (так называемая «Голубая книга») по набору проблем, предполагаемых к обсуждению в Хельсинки в июле того же года.

Интересы и цели Г. Киссинджера в консультационном процессе:

- 1) главный интерес — проводить самостоятельную военно-политическую линию в Европе, не идя на поводу у советской дипломатии;
- 2) основной интерес — стабилизировать военно-политическую ситуацию в Европе, избежать попыток дестабилизации международной ситуации со стороны СССР;

3) второстепенные интересы — повысить морально-этические основы взаимоотношений двух супердержав; убедить страны Западной Европы, что присутствие американских военных контингентов на континенте необходимо для поддержания европейской безопасности; взять инициативу Хельсинкского процесса в свои руки; навязать СССР ряд заранее невыполнимых обязательств, которые могли бы дестабилизировать внутривосточную ситуацию в стране (прежде всего в культурной и экономической сферах, в области прав человека).

Цель — затягивание консультационного процесса и использование его для выторговывания у СССР уступок по ряду важных стратегических вопросов.

Позиция Г. Киссинджера: Киссинджер не верил в возможность изменения внешнеполитического поведения СССР на мировой арене, считал, что сам Хельсинкский процесс является пропагандой, которая может повысить уровень советской угрозы и внести раскол в ряды стран НАТО. Он пытался использовать консультационный процесс для смягчения советской позиции по другим (прежде всего ближневосточным) проблемам.

Поведенческая стратегия Г. Киссинджера (по классификации М. Хрусталева [9, с. 68—69]): имитационная стратегия в начале консультаций, переходящая в «мягкий вариант» конкурентной стратегии в середине 1973 г., а затем плавно перерастающая к началу 1975 г. в смешанную с элементами ультимативной.

Интересы и цели А. Добрынина в консультационном процессе:

1) главный интерес — ликвидировать двублоковую систему и усилить советские позиции в Западной Европе на фоне развивающихся в Европе процессов экономической интеграции;

2) основной интерес — закрепить на международно-правовом уровне нормы невмешательства во внутренние дела суверенного государства; закрепить статус-кво на европейском континенте;

3) второстепенные интересы — закрепить успех политики разрядки; создать систему общеевропейской безопасности при участии СССР на базе СБСЕ; институционализировать ход интеграционных процессов в Европе; добиться признания ГДР (при определении интересов и приоритетов советская делегация использовала разработанную в ИМЭМО РАН модель системы общеевропейской безопасности).

Цель — увеличение количества участвующих в консультационном процессе сторон и признание ведущим правилом принятия организационных решений принципа консенсуса.

Позиция А. Добрынина: СССР должен окончательно заявить о себе как о мировой державе, попытаться вытеснить США из Европы руками самих же европейцев через вовлечение их в форум по обсуждению вопросов международной безопасности. Добрынин надеялся, что Советскому Союзу удастся построить новый мировой порядок, где США будет отведена минимальная роль.

Поведенческая стратегия А. Добрынина: конкурентная стратегия в «мягком варианте» с элементами партнерской, поскольку изначально советская сторона понимала, что США ничего от Хельсинкского процесса не получали, поэтому нужно идти на уступки в разрешении их второстепенных интересов для привлечения американской стороны в процесс.

Соотношение интересов сторон: антагонистическое по главным интересам, но сходное (кооперационное) по основным.

Общий ход консультационного процесса:

— 2 июня 1973 г. обе стороны начали обсуждать принципы, зафиксированные в «Голубой книге» [25, р. 1—2];

— 3 июня 1973 г. Добрынин предложил провести общеевропейскую конференцию министров иностранных дел по проблемам безопасности 10-го июля текущего года [26];

— 14 июня 1973 г. Киссинджер предложил обсудить организационные вопросы будущей конференции [27];

— 13 июля 1973 г. Добрынин поднял проблему признания ГДР [28].

Ключевые результаты консультаций:

Произошло урегулирование проблемной ситуации по следующим пунктам (зафиксировано в устной договоренности):

- 1) созданы первичные условия для начала Хельсинкского процесса;
- 2) получено официальное согласие США на участие в конференции;
- 3) сформирована рабочая группа;
- 4) очерчен круг проблем для обсуждения;
- 5) СССР признал необходимость скорейшего разрешения ближневосточного конфликта и ряда проблем, касающихся Вьетнама и Китая;
- 6) СССР согласился освещать Хельсинкский процесс в полном объеме и способствовать деятельности мировых средств массовой информации;
- 7) обсуждены и утверждены основные принципы Хельсинкского процесса.

Тактические приемы Г. Киссинджера:

1) ссылка на бюрократические проволочки исполнительной ветви власти США и необходимость закрытых политических консультаций с сенаторами;

2) ссылка на нехватку времени и информации по рассматриваемым проблемам;

3) фигура умолчания по ряду поднимаемых вопросов;

4) стремление перевести тему разговора на проблемы Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии;

5) ссылка на отсутствие инструкций американского президента по текущему вопросу;

6) утверждение, что менталитет русских недостижим для понимания.

Тактические приемы А. Добрынина:

1) нежелание обсуждать ядерный вопрос, ссылаясь на то, что он находится только в компетенции членов Политбюро;

2) отсылка на телеграммы, выступления и инструкции Л. И. Брежнева;

3) попытка перенесения ближневосточного вопроса на рассмотрение Совета безопасности ООН;

4) отсылка на позиции и интересы западноевропейских держав.

Анализ тактики и позиций участвующих в консультациях сторон:

Американская сторона в лице Г. Киссинджера последовательно отстаивала свои национальные интересы и к началу Хельсинкского процесса завладела стратегической инициативой в ряде областей повестки дня. В ходе консультационного процесса Киссинджер умело затягивал консультации и в итоге получил максимум информации по тактике, стратегии и слабости позиции советской стороны.

Тактика советской стороны отличалась противоречивостью, непоследовательностью в ряде вопросов, что привело к смещению повестки дня

в сторону общегуманитарных вопросов (так называемая «третья корзина» Хельсинкского акта СБСЕ). Позиция СССР отличалась также крайней противоречивостью мнений, а постоянная отсылка к ранее заключенным двусторонним договоренностям и третьим заинтересованным лицам показывала слабость позиции советской дипломатии [7].

Проведенный структурный анализ хода советско-американских двусторонних консультаций может стать рабочей моделью комплексного изучения международных коммуникационных процессов, к которым можно отнести переговоры, консультации, обмены мнениями, иные посреднические схемы. При этом представленный нами в настоящем исследовании алгоритм раскрывает поведенческие аспекты консультационного/переговорного процесса, выводя исследовательский процесс в междисциплинарное русло.

Библиографический список

1. *Власова М.* Аналитическое моделирование типов международных переговоров // Вестник Московского университета им. М. В. Ломоносова. Серия «Социология и политология». 1999. № 1. С. 15—19.
2. *Зобнин А. В.* Теория и методология анализа международных консультаций. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. 160 с.
3. *Зобнин А. В.* Теория и методология анализа международных консультаций в международных межправительственных организациях. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2013. 240 с.
4. *Зобнин А. В.* Международные псевдоконсультации в структурах Организации Варшавского договора // Политика и общество. 2013. № 8. С. 1021—1028.
5. *Кашилев Ю. Б.* Хельсинкский процесс 1975—2005 : свет и тени глазами участника. М. : Известия, 2005. 392 с.
6. *Лебедева М. М.* Технология ведения переговоров : учебное пособие. М. : Аспект Пресс, 2010. 192 с.
7. *Рубин Дж., Салакюз Дж.* Фактор силы в международных переговорах // Международная жизнь. 1990. № 3. С. 27—38.
8. *Саати Т.* Математические модели конфликтных ситуаций. М. : Советское радио, 1977. 300 с.
9. *Хрусталева М.* Методология анализа международных переговоров // Международные процессы. 2004. Т. 2, № 3 (6). С. 64—79.
10. *Blake R. R., Mouton J. S.* Intergroup Problem Solving in Organizations: from Theory to Practice // The Social Psychology of Intergroup Relations / ed. by W. G. Austin, S. Worchel. Monterey : Brooks & Cole, 1979. P. 25—48.
11. *Brett J.* Culture and Negotiation // International Journal of Psychology. 2000. Vol. 35, № 2. P. 5—9.
12. *Hopmann P. T.* Negotiating Data: Reflections on the Qualitative and Quantitative Analysis of Negotiation Process // International Negotiation. 2002. Vol. 7. P. 82—84.
13. *Ikle F. Ch.* How Nations Negotiate. N. Y. : Harper & Row, 1964. 348 p.
14. Telecons. Ambassador Dobrynin / Mr. Kissinger. February 1, 1970. 10:22 a.m. // U.S. National Archives and Records Administration. Kissinger Papers : Kissinger-Dobrynin Telecons. Box 27.
15. Telecons. Ambassador Dobrynin / Mr. Kissinger. July 27, 1970. 8:45 a.m. // U.S. National Archives and Records Administration. Kissinger Papers : Kissinger-Dobrynin Telecons. Box 27.
16. Telecons. Ambassador Dobrynin / Mr. Kissinger. October 22, 1970. 4:15 p.m. // U.S. National Archives and Records Administration. Kissinger Papers : Kissinger-Dobrynin Telecons. Box 27.

17. Telecons. Ambassador Dobrynin / Mr. Kissinger. March 16, 1971. 3:08 p.m. // U.S. National Archives and Records Administration. Kissinger Papers : Kissinger-Dobrynin Telecons. Box 27.
18. Telecons. Ambassador Dobrynin / Mr. Kissinger. March 26, 1971. 8:20 p.m. // U.S. National Archives and Records Administration. Kissinger Papers : Kissinger-Dobrynin Telecons. Box 27.
19. Telecons. Ambassador Dobrynin / Mr. Kissinger. January 16, 1973. 7:00 a.m. // U.S. National Archives and Records Administration. Kissinger Papers : Kissinger-Dobrynin Telecons. Box 27.
20. Telecons. Ambassador Dobrynin / Mr. Kissinger. January 16, 1973. 7:10 p.m. // U.S. National Archives and Records Administration. Kissinger Papers : Kissinger-Dobrynin Telecons. Box 27.
21. Telecons. Ambassador Dobrynin / Mr. Kissinger. January 25, 1973. 6:30 p.m. // U.S. National Archives and Records Administration. Kissinger Papers : Kissinger-Dobrynin Telecons. Box 27.
22. Telecons. Ambassador Dobrynin / Mr. Kissinger. January 27, 1973. // U.S. National Archives and Records Administration. Kissinger Papers : Kissinger-Dobrynin Telecons. Box 27.
23. Telecons. Ambassador Dobrynin / Mr. Kissinger. January ?, 1973. 10:30 a.m. // U.S. National Archives and Records Administration. Kissinger Papers : Kissinger-Dobrynin Telecons. Box 27.
24. Telecons. Ambassador Dobrynin / Mr. Kissinger. April 16, 1973. 9:50 a.m. // U.S. National Archives and Records Administration. Kissinger Papers : Kissinger-Dobrynin Telecons. Box 27.
25. Telecons. Ambassador Dobrynin / Mr. Kissinger. June 2, 1973. 2:05 p.m. // U.S. National Archives and Records Administration. Kissinger Papers : Kissinger-Dobrynin Telecons. Box 28.
26. Telecons. Ambassador Dobrynin / Mr. Kissinger. June 3, 1973. 12:15 p.m. // U.S. National Archives and Records Administration. Kissinger Papers : Kissinger-Dobrynin Telecons. Box 28.
27. Telecons. Ambassador Dobrynin / Mr. Kissinger. June 14, 1973. 9:57 a.m. // U.S. National Archives and Records Administration. Kissinger Papers : Kissinger-Dobrynin Telecons. Box 28.
28. Telecons. Ambassador Dobrynin / Mr. Kissinger. July 13, 1973. 4:37 p.m. // U.S. National Archives and Records Administration. Kissinger Papers : Kissinger-Dobrynin Telecons. Box 28.

ББК 63.3(0)4-91

А. В. Пикин

**СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС КАНДИДАТОВ ДЛЯ ПОСОЛЬСКОЙ
МИССИИ ВОСТОЧНОЙ ИМПЕРИИ В 430—470-х гг.:
(На материале Приска Панийского)**

Статья посвящена проблеме социального статуса послов Восточной Римской империи, которые упоминаются у Приска Панийского. Рассматриваются биографии послов и потенциальных кандидатов в послы. Автор приходит к выводу, что высокий социальный статус с большей вероятностью приводил к получению должности посла.

Ключевые слова: посольства, Приск Панийский, социальный статус.

© Пикин А. В., 2015

• Серия «Гуманитарные науки»

The article is devoted to the problem of social status of envoys in the work of Priscus of Panium. The author has analyzed biographical evidence of real or potential envoys of the Eastern Empire and has come to the conclusion that the high social status lead to in the practice of forming of embassies.

Key words: embassies, Priscus of Panium, social status.

Восточная империя в период 430—470-х гг. часто предпочитала дипломатическое разрешение конфликта военному, порой не желая вступать в военное противостояние, или не имея для этого возможностей. Сведения о посольствах указанного периода сохранились преимущественно в «Извлечениях о посольствах» Константина Багрянородного [1, с. IV], куда вошли фрагменты сочинения Приска Панийского [7; 26, р. 275—352], написанного в V в. и порой называемого *Готская история* или *Византийская история*. Эти фрагменты повествуют о периоде с 433 по 474 г. Приск, описавший значительное число посольств, среди прочего упоминает конкретных послов, что позволяет на основе изучения биографий этих легатов сделать заключение о социальном статусе посланников Империи. Для этого нам необходимо проанализировать биографию потенциального кандидата до момента назначения послом.

Кандидатура посла выбиралась, вероятнее всего, императором. При совершении этого выбора властитель мог советоваться с магистром оффиций, руководителем императорской администрации [14]. Кроме того, вполне возможно, что кандидатуру посла мог предложить и Сенат. Но утверждение посланника являлось прерогативой императора. Каких-либо указаний на важность для посла специального образования или же опыта у Приска не имеется. Практически всегда, когда упоминается назначение посланника, мы лишены возможности определить, на основании каких критериев сделан выбор. Вероятно, по этой причине, как отмечает Ральф Матисен, причины выбора посла крайне редко интересовали исследователей [24, р. 227]. Исключением является просьба принимающей стороны отправить того или иного человека.

Всего у Приска упоминаются 13 человек, потенциальных и действительных руководителей посольств: Дионисий, Плинфа (или Плинта), Сенатор, Анатолий, Максимин, Ном, Аполлоний, Ардаур, Бледа, еще один Дионисий, Филарх, Татиан, Констанций (Приск не совсем точно называет его Констанцием, хотя речь идет о Константине [30, р. 317]). Кроме того, порой говорится и о спутниках послов, формально не имевших ранга посла. Таковыми были Эпиген и сам Приск. Рассмотрим каждого из них в отдельности.

Дионисий, по рождению фракиец, упоминаемый в первом фрагменте Приска, жаждал принять участие в посольстве к правителю гуннов Руа [7, § 1]. На момент совершения посольства (ок. 434 г. [31, р. 216—217; 23, р. 91—94]) он, возможно, имел какую-то почетную военную должность, неясно какую. Приск пишет о нем как об экс-консуле 429 г. Деяния III Вселенского собора говорят, что в 428—431 гг. он имел должность магистра обеих армий на Востоке (*magister militum per Orientem*) [2, с. 6—7]. Вероятно, с помощью совершения государственной миссии он хотел вернуться на политический Олимп после опалы 431 г.

Другим возможным послом к Руа являлся гот Плинфа [7, § 1]. Плинфа был старшим родственником Аспара — гота, достигшего высоких постов в римской армии. В 418 г. он был комитом [5, с. 58] и подавил восстание

в Палестине [30, р. 893]. За это в следующем году он был назначен консулом и получил должность *magister militum praesentalis*, которую точно занимал до момента совершения посольства. Плинфа стал, по свидетельству Созомена, одним из самых влиятельных людей при дворе Феодосия II [9, VII, 17]. Плинфа смог добиться своего назначения послом к Аттиле и Бледе, новым правителям гуннов. Дата посольства неясна, она находится в промежутке от 434 до 438 г. Ожидая, вероятно, заключения нового договора, он привлек себе в помощь юриста Эпигена (см. о нем ниже). Это посольство, по всей видимости, было одним из последних деяний Плинфы — в дальнейшем источники не сообщают о нем.

Следующим Приск упоминает посольство Сенатора, консула 436 г. [7, § 4]. Дата посольства неясна, ее относят к промежутку от 442 до 446 г. [11, с. 108; 21, р. 119]. В дальнейшем Сенатор рассматривался Аттилой как желательный кандидат на участие в посольстве к гуннам [7, § 8]. К тому моменту Сенатор будет не только экс-консулом, но и патрицием [11, 108].

Далее Приск упоминает Анатолия, личность для времени Феодосия II и Маркиана, бесспорно, выдающуюся. Консул 440 г. [30, р. 84], Анатолий совершил ряд посольских миссий к Аттиле [7, § 5, 10], добился его расположения. Кроме этого, он был военным, довольно хорошо известным на Востоке и имевшим титул *magister utriusque militiae per Orientem* с 433 до 446 г. Армянские хроники упоминают его как одного из активных деятелей восточной политики Империи [30, р. 84—86]. Даже после своей отставки Анатолий был вовлечен в дела Востока. Вероятно, из-за осведомленности в проблемах восточных епископов, осужденных «разбойничьим» собором 449 г., Анатолий становится государственным председателем заседаний Халкидонского собора, где упоминается как магистр милитум, экс-консул и патриций [3, с. 54]. Магистром милитум, но уже презентальным, он стал около 449—450 г. [30, р. 85]. Хотя Мэнхен-Хелфен считает, что первый мир Анатолий заключал уже в этом качестве [23, р. 116], это несколько не соответствует сообщению Приска о том, что он был посланником, *πρεσβευταίμενον* [26, р. 282; 12, р. 32—37], без конкретизации места в иерархии чинов; Приск старался, когда это только возможно, конкретизировать чин посла. После 451 г. сведений об Анатолии нет.

Дата его первой миссии неясна и относится к промежутку от 442 до 447 г. [23, р. 112]. Мы склоняемся к более поздней дате. Из сообщения Приска становится ясно, что Анатолий был готов заключить мир на любых условиях [31, р. 85—86]. Подобная уступчивость, вероятно, сыграла свою роль в отношении Аттилы к Анатолию, и в 449 (450) г. [6, прим. 87; 7, с. 74; 31, р. 123—124] он осуществляет еще одну миссию [7, § 10]. Она в целом видится более успешной, однако этому способствовала, скорее всего, щедрость коллеги Анатолия по посольству Нома. Но участие в этой миссии обеспечил не социальный статус патриция и экс-консула, а сговорчивость на предыдущих переговорах.

Следующий руководитель одного из посольств, Максимин, один из главных героев повествования Приска, до 449 г. практически не упоминается в источниках [30, р. 743]. Томпсон считает, что Максимин участвовал в кодификации законов, проведенной Феодосием [31, р. 102], однако это вряд ли возможно: если бы Максимин был уверен в своих силах, ему не потребовался бы такой помощник, как Приск. В 449 г. он отправлен послом к Аттиле как подставное лицо, прикрывающее заговор с целью убийства правителя гуннов

(подробнее о посольстве см. [31, р. 101—120]). В письмах к Атилле от императора Феодосия, которые были у Максимиана, говорилось, что посол «знатного происхождения и самый близкий к царю, был достоинством выше Вигилы (одного из активных участников заговора. — *А. П.*)» [7, § 8]. Максимиан явно чувствовал себя некомфортно, став посланником, потому он убеждает ритором Приска составить ему компанию в посольстве. Миссия в целом удалась, хотя и не все цели были достигнуты. В дальнейшем Максимиан участвовал в ряде других посольств. В 450 г. он вел переговоры с исаврами [19, § 223.1], франками в Риме [7, § 13]. Возможно, что именно этот Максимиан привез из Рима письмо папы Льва клирикам Константинополя [21, Col. 901—902; 30, р. 742]. Если это так, то Максимиан был комитом, что отчасти подтверждается чуть более поздним сообщением Приска — Максимиан упоминается как полководец, *στρατηγός* [26, р. 331]. Следующее участие Максимиана в переговорах относится к 453 г., когда он договаривается о мире с блеммями и нубадами и, возможно, принимает участие в локальных переговорах о перемирии с сарацинами, которые вел командующий Ардавур [7, § 16—17]. На тот момент он был экс-консулом 447 г., *magister militum per Orientem*, и патрицием [30, р. 136]. В том же 453 г. Максимиан скончался. Успех ему как руководителю посольств приносит не должность, а уровень подготовки и готовности к компромиссу.

Ном так же, как и Анатолий, был одним из крупных чиновников эпохи Феодосия Младшего. Он был магистром [7, § 10; 3, с. 53], скорее всего, магистром оффиций, а значит, входил в когорту высших придворных чиновников с 443 г. В том же году Ном для себя добивается привилегии надзора над пограничными городами по всей территории Восточной империи [14, р. 89]. В 445 г. он становится консулом, а в 448 г. — патрицием [30, р. 785—786]. В 449 г., возможно, при его участии был созван церковный собор в Эфесе, получивший в истории имя «разбойничьего». В последующем Ном напрямую обвиняли в соучастии с Диоскором, александрийским епископом-монофизитом, и в вымогательстве [3, с. 244—246]. Ном был человеком евнуха Хрисанфия [7, § 10], также не отличавшегося моральной чистотой, но близкого к императору Феодосию Младшему. Тем не менее Атила сам хотел, чтобы Ном был отправлен к нему послом, и когда переговоры состоялись (в 449 или 450 г.), то тот фактически купил мир для империи [7, § 11]. Однако после Халкидонского собора 451 г. сведений о Номе нет.

Аполлоний, следующий персонаж Приска, был военачальником, *magister militae praesentalis*, с 443 г. и в этом качестве совершил посольство к Атилле [30, р. 121]. При описании этого посольства Приск замечает, что Аполлоний был связан дружбой с командующим исаврами Зеноном, вмешивавшимся в отношения Атиллы с константинопольским двором [7, § 8—9]. Посольство Аполлония было успешным с точки зрения укрепления авторитета самого посла, однако отношения гуннов и Восточной империи никак не изменились [7, § 14]. Дата посольства определяется 452 г. [30, р. 121], вероятно, уже после летней кампании в Италии. Атила ожидал богатой дани, как было уговорено с Анатолием и Номом, однако Маркиан, новый император, отказал гуннам в этом. Владыка кочевников разгневался на посла, который приехал озвучивать подобную позицию, но ждал, что ему будут вновь принесены богатые дары. Аполлоний отказался выдавать подарки без переговоров.

Следующим послом, отмеченным Приском, был Бледа, о котором, кроме его участия в этой миссии, по сути, ничего неизвестно. Он был отправлен

послом к королю вандалов Гейзериху в 455 г. с целью убедить его даровать свободу Евдоксии, вдове Валентиниана III, и ее дочерям, захваченным вандалами в Риме в том же году [7, § 18]. Бледа был епископом-арианином [25, р. 676], и Маркиан, тогдашний император Востока, вероятнее всего, решил, что арианин-епископ сможет легче договориться с правителем вандалов, так же арианином, Гейзерихом. Вполне вероятно, что в данной ситуации на императора повлиял пример папы Льва I, который убедил Гейзериха не разрушать и не сжигать Рим [27, § 1367]: раз уступил епископу-ортодоксу, то тем более сможет уступить и епископу-арианину. Однако посольство Бледы не увенчалось успехом: епископ при встрече с правителем вандалов выступил сначала с убеждениями, затем с «дерзкими речами», но ни то, ни другое не произвело впечатления на Гейзериха, и римский посланник был вынужден уйти ни с чем.

Также в качестве посла был отмечен другой Дионисий [30, р. 364]. Нам неизвестно, в какой степени соотносятся оба Дионисия из сочинения Приска [6, прим. 98; 30, р. 364, 365—366], однако о втором говорится, что он был посланником только к лазам — племени, проживавшему на восточном берегу Черного моря. Других сведений о нем не имеется. Второй Дионисий был известен царю Говазу благодаря участию в предыдущих переговорах, дата которых неизвестна. Просьба царя лазов о гарантиях неприкосновенности и переговорах с Дионисием относится к 456 г. Спустя приблизительно 10 лет Говаз вместе с Дионисием прибывают в Константинополь. Непонятно, была ли миссия посольской или же Дионисий возвращался после десятилетнего пребывания у лазов в качестве заложника [17, р. 12]. Ничего неизвестно и о его должности при дворе на момент переговоров, но ясно, что он обладал определенным опытом посольской деятельности.

Среди послов также упоминается некий Филарх [30, р. 884]. Он был направлен с миссией к Марцеллину, правителю Далмации, а также к правителю вандалов Гейзериху [7, § 24, 34]. Кроме этих двух сообщений Приска сведений о нем нет, должность его также неизвестна. Возможно, что Филарх не является именем собственным, а относится к какому-то племенному вождю [29, р. 1672]. Однако в таком случае непонятны его происхождение и причины использования в качестве посланника.

Первое посольство Филарха было успешным: удалось договориться с Марцеллином [10, с. 463—465; 20, р. 177—191], чтобы тот не нападал на Западную империю. Второе же, явно связанное со сменой власти в Западной империи, закончилось не столь хорошо. Гейзерих, сочтя мирный договор между вандалами и Восточной империей нарушенным, отказался признавать Антемия в качестве императора Запада. Вероятно, он слышал о военных приготовлениях Западной империи [18, § 236], теперь управлявшейся правителем, присланным из Константинополя, против него.

Одним из послов к Гейзериху был и Татиан [30, р. 1053—1054], довольно влиятельный чиновник, приближенный трех восточных императоров. Его карьера началась еще в IV в.: в 388 г. он был отправлен в Константинополь на попечение своего деда, также Татиана, для завершения образования. В дальнейшем он благодаря связям с императором Маркианом [11, с. 114—115] стал префектом города Константинополя (*praefectus urbis Constantinopolis*) и в этом качестве присутствовал на заседаниях Халкидонского собора [3, с. 54]. Потом он был сделан патрицием, скорее всего, специально для исполнения посольской миссии к вандалам (см. схожий случай [4, с. 233—234]).

Это посольство, относящееся к 463 г., не было успешным — Гейзерих отказался принимать Татиана [7, § 25—26]. Несмотря на это, он был назначен консулом на 466 г., но значится лишь в некоторых списках [30, р. 1054]. Скорее всего, он скончался около 466 г.

Констанций [30, р. 317—318] был одним из последних послов, упоминаемых Приском, и единственным из них, кто совершил миссию к персам. Констанций был трижды префектом, скорее всего, претория Востока, хотя в этом и нет полной уверенности. Он восстанавливал стены Константинополя в 447 г. [5, с. 64], однако затем был смещен: Деяния Вселенских соборов упоминают его как бывшего префекта [3, с. 55]. Затем Констанций вновь префект претория в 456 г., консул 457 г. и вновь префект 459 г. [30, р. 317] (возможно, уже префект Константинополя). Вскоре после этого, но явно до совершения посольства в 465 г., он получает звание патриция [7, § 25—26], возможно, для повышения своего посольского статуса [30, р. 318]. Но это не сыграло никакой роли — персидский царь продержал его некоторое время у себя и, не дав определенного ответа, отправил восвояси [7, § 27]. О его дальнейшей деятельности ничего неизвестно.

Подводя итог по главам посольств, упоминаемых Приском, мы можем заключить, что из 13 послов Восточной империи пятеро были военными, пятеро отправляли гражданскую службу, один был представителем неортодоксальной церкви, а еще у двоих род деятельности до совершения посольства неизвестен. Мы включаем Максимиана, имевшего на момент смерти звание комита, возможно, военных дел, в число гражданских чиновников, поскольку о его участии в военных операциях неизвестно. Лишь о двух из тринадцати мы с уверенностью можем сказать, что они обладали высоким для той эпохи уровнем образования. Чаще всего посланниками были бывшие или действующие консулы: восемь человек были консулами до отправления посольства. Таким образом, можно сделать вывод, что для представления Империи на международном уровне среди других держав необходимо было обладать высоким статусом и в самой Империи. Посольский опыт, накопленный при осуществлении миссий, также мог принести назначение на должность. Два посла, социальный статус которых нам неизвестен, но известен их опыт, так же возглавляли посольство, как и более статусные деятели.

Кроме руководителя в посольстве могли состоять и другие посланники, ранг которых был несколько ниже [12, р. 34—35]. Такими были, например, Эпиген и сам Приск.

Эпиген, находясь в разных должностях, участвовал в кодификации законов Феодосия Младшего (так называемый Кодекс Феодосия), работа над которым была завершена к 438 г. [30, р. 396]. Плинфа, вероятно, неуверенный в своих силах, решает попросить его себе в помощники [7, § 1]. Неясно, каким именно титулом обладал на момент совершения посольства Эпиген. Его звание квестора приводится как один из основных аргументов в пользу датировки посольства 438 годом, однако в первой новелле Феодосия, данной по случаю завершения кодекса 15 февраля 438 г., Эпиген упоминается как *comes et magister memoriae*, а квестором является Мартирий [22, § 1.7]. Однако функции *magister memoriae* были очень близки функциям квестора [14, р. 84; 15, р. 29; 16, р. 24], что могло являться причиной путаницы.

Плинфа, согласно Приску, объясняет, почему выбирает именно Эпигена. Вероятно, предстоящее заключение договора с гуннами предъявляло некоторые требования к помощнику, а Эпиген был известен «как человек,

славящийся благоразумием и имевший достоинство квестора», что автоматически свидетельствует о его определенной юридической подготовке. Кроме того, квестор того времени обычно получал риторское образование [24, р. 228]. Такой помощник сумел бы подготовить новое соглашение и выйти из сложного положения, если бы такое случилось при переговорах. Вероятно, от него исходила идея вести переговоры на конях, чтобы не умалять своего посольского достоинства [7, § 1]. Итак, мы видим, что Плинка выбирает себе в спутники довольно широко образованного человека, разбиравшегося в законодательстве империи и участвовавшего в создании новых законов.

Сам Приск [30, р. 906] также участвовал в посольстве в качестве помощника посла. Он отмечает неравенство своего статуса и статуса Максимиана, с которым он отправился в посольство, приводя мнение одного из представителей гуннской администрации, Онигисия, что Приск может приходить к нему для переговоров, «ибо не было прилично, чтоб часто приходил к нему сам Максимин, облеченный в такое звание» [7, § 8]. О Приске сохранилось не так много сведений [8, с. 100—104; 13, р. 292—293; 28, р. 83—87]. Он был родом из Паниона, города во Фракии. Приск до начала посольства был знаком с Максиминем, хотя неясно, где они познакомились. В отличие от Максимиана Приск не состоял на императорской службе: его участие в посольстве не нужно было утверждать в сенате, как это было с другим помощником посла, Эпигеном [7, § 1]. Суда, византийская энциклопедия X века, считает его софистом, т. е. учителем риторики, Евагрий Схоластик — ритором [30, р. 906]. Вообще, судя по рассказу о его путешествии к Атиллу, он стал одним из главных деятелей посольства, практически каждый раз находившим выход из затруднительного положения. Подобная находчивость позволила Приску оставаться советником Максимиана и его помощником в посольствах до смерти последнего в 453 г. Затем Приск стал помощником магистра оффиций Евфимия. И здесь мы можем сказать, что привело его к этому положению, — образование и навыки ратора.

Проанализировав биографии послов, упоминаемых Приском, мы приходим к однозначным выводам. В силу отсутствия корпуса профессиональных послов, неких магистратов, занимавшихся посольской деятельностью, назначение посла было целиком и полностью решением императора и его ближайшего окружения. Поэтому зачастую посла назначали, отталкиваясь от конкретных обстоятельств, таких как запрос противоположной стороны, посольский опыт потенциального кандидата, различные религиозные особенности и т. п. Но были и определенные критерии, согласно которым потенциальный кандидат должен был иметь, в первую очередь, высокую должность или почетное звание, а затем уже особые навыки переговоров. Для участия в посольских миссиях важен опыт, приобретенный на государственной службе и/или в полевых условиях посольств. Посланник, представляющий державу, должен был обладать определенным, в первую очередь иерархическим статусом. Однако чтобы сложная миссия завершилась успехом, необходим посланник, обладающий довольно высоким, по меркам античной культуры, образованием. Образованные люди привлекались в конкретных условиях, когда руководитель посольства пытался привлечь все возможные средства на свою сторону, не надеясь на свои силы и опыт.

Библиографический список

1. Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец, переведенные с греческого Спиридоном Дестунисом. СПб. : Типография Леонида Демиса, 1860. 496 с.
2. Деяния Вселенских соборов. Т. 2. Казань : Типография Императорского университета, 1892. 199 с.
3. Деяния Вселенских соборов. Т. 3. Казань : Центральная Типография, 1908. 288 с.
4. *Малх Филадельфиец*. Византийская история в семи книгах // Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец, переведенные с греческого Спиридоном Дестунисом. СПб. : Типография Леонида Демиса, 1860. С. 217—278.
5. *Марцеллин Комит*. Хроника / пер. Н. Н. Болгова. Белгород : БелГУ, 2010. С. 45—95.
6. *Приск Панийский*. Готская история / пер. В. В. Латышева. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Prisc/frameset.htm>. (дата обращения: 28.09.2015).
7. Сказания Приска Панийского / пер. С. Дестуниса, вступительная статья, комментарий Г. С. Дестуниса // Ученые записки второго отделения Императорской Академии наук. Кн. VII, вып. 1. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1861. С. 1—112.
8. *Удальцова З. В.* Идеино-политическая борьба в ранней Византии : (по данным историков IV—VII вв.). М. : Наука, 1974. 352 с.
9. Церковная история Эрмия Созомена Саламинского. СПб. : Типография Фишера, 1851. 670 с.
10. *Циркин Ю. Б.* «Генеральские государства» на территории Западной Римской империи // Мнемон : исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 12 : Из истории античности и Нового времени : сборник статей : к 80-летию проф. Э. Д. Фролова. СПб. : СПбГУ, 2013. С. 462—472.
11. *Чекалова А. А.* У истоков византийской государственности : сенат и сенаторская аристократия Константинополя IV — первой половины VII в. М. : КДУ, 2007. 258 с.
12. *Becker A.* La délégation de pouvoir dans la diplomatie romano-barbare au Ve siècle // Hiérarchie des pouvoirs, délégation du pouvoir et responsabilité des administrateurs dans l'Antiquité et au Moyen Âge. Metz, 2012. P. 51—78.
13. *Blockley R.* The Development of Greek Historiography: Priscus, Malchus, Candidus // Greek and Roman Historiography in Late Antiquity : Fourth to Sixth Century A.D. / ed. by G. Marasco. Leiden : Brill, 2003. P. 289—316.
14. *Boak A.E.R.* The Master of the Offices in the Later Roman and Byzantine Empires. London : Macmillan and Company, 1919. 160 p.
15. *Bury J. B.* History of the Late Roman Empire. Vol. 1. New York : Dover Publications, 1958. 525 p.
16. *Bury J. B.* Magistri Scriniarum, ἀντιγραφῆς and ῥεφερενδάρτοι // Harvard Studies in Classical Philology. Vol. 21. 1910. P. 23—29.
17. *Gordon C. D.* The Age of Attila. Fifth-Century Byzantium and the Barbarians. Ann Arbor : University of Michigan Press, 1960. 228 p.
18. *Hydatius Lemicus.* Continuatio chronicorum Hieronymianorum // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi 11 / ed. T. Mommsen. Berlin : Apud Weidmannos, 1894. P. 14—34.
19. *Ioannis Antiocheni.* Fragmenta Quae Supersunt Omnia / ed. Sergei Mariev. Berlin : Walter de Gruyter, 2008. 656 p.
20. *Kulikovski M.* Marcellinus 'of Dalmatia' and the Dissolution of the Fifth-Century Empire // Byzantion. T. LXXII. Bruxelles, 2002. P. 177—191.

21. *Leo Magnus*. Epistola 75 Ad Faustam et Martinum presbyteros // *Patrologiae cursus completus, series Latina*. Vol. 54 / ed. J.-P. Migne. Paris, 1846. Col. 901—904.
22. *Liber legum novellarum d. Theodosii a.* URL: <http://ancientrome.ru/ius/library/novella/theod.htm>. (дата обращения: 02.10.2015).
23. *Maenchen-Helfen O. J.* The World of the Huns : Studies in their History and Culture. Berkeley : University of California Press, 1973. 630 p.
24. *Mathisen R. W.* Patricii, episcopi, et sapientes : le choix des ambassadeurs pendant l'antiquité tardive dans l'empire romain et les royaumes barbares // *Ambassadeurs et ambassades au cœur des relations diplomatiques*. Rome — Occident médiéval — Byzance. Metz, 2012. P. 227—238.
25. *Mathisen R. W.* Barbarian Bishops and the Churches «in Barbaricis Gentibus» During Late Antiquity // *Speculum*. Vol. 72, № 3, 1997. P. 664—697.
26. *Prisci*. Fragmenta // *Historici Graeci Minores* / ed. L. Dindorf. Leipzig : In aedibus V. G. Teubneri, 1870. P. 275—352.
27. *Prosper Tiro*. Epitoma chronicon // *Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi* 9 / ed. T. Mommsen. Berlin : Apvd Weidmannos, 1892. P. 385—485.
28. *Rohrbacher D.* The Historians of Late Antiquity. London, 2002. 332 p.
29. *The Oxford Dictionary of Byzantium* / ed. A. Kazhdan. New-York ; Oxford : Oxford University Press, 1991. 2283 p.
30. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. II. A.D. 395—527 by *Martindale J. R.* Cambridge : Cambridge University Press, 1980. 1384 p.
31. *Thompson E. A.* A History of Attila and the Huns. Oxford : Clarendon Press, 1948. 240 p.

РУССКИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ ПАЛОМНИКИ И ГРЕЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ПАЛЕСТИНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Анализируются мемуары русских паломников, посетивших Палестину во второй половине XIX — начале XX в. Автор на материале этих воспоминаний рассматривает обрядовые различия Русской православной и греческой церквей. Уделено особое внимание тому, как греческое духовенство получало значительную материальную выгоду от эксплуатации русских паломников.

Ключевые слова: Русская православная церковь, православное паломничество, паломнические мемуары, Османская империя, Палестина, Императорское Православное Палестинское общество.

This article analyzes the memoirs of Russian pilgrims who visited Palestine in the second half of XIX — early 20th century. The author using the materials of these memories considers ritual differences between Russian Orthodox and Greek churches. It is highlighted in the article how the Greek clergy received substantial material benefits from the exploitation of Russian pilgrims.

Key words: Russian Orthodox Church, orthodox pilgrimage, pilgrim memories, Ottoman empire, Palestine, The Imperial Orthodox Palestinian Society.

Ближний Восток являлся традиционным местом паломничества православных верующих из России, так как здесь находились главные святыни христианства, связанные с земной жизнью Иисуса Христа, Божией Матери, целого ряда христианских святых. В рассматриваемый период Палестина, Сирия, Ливан и Синай находились во владении Османской империи, но на ее территории легально функционировали восточно-христианские церкви, которые в конфессиональном отношении являлись «сестрами» Русской православной церкви.

По дороге в Святую Землю паломники посещали Константинополь, изредка — Сирию и Ливан, а также Египет. Здесь, на этом пространстве, действовали Константинопольская, Антиохийская, Александрийская и Иерусалимская церкви, во главе которых стояли соответствующие патриархи. Особенно тесными были контакты паломников с Иерусалимской церковью, в юрисдикции которой находились главные христианские святыни в Иерусалиме, Вифлееме, Назарете, а также другие священные места Палестины. Многие из них не имели единого собственника, а принадлежали на правах совладения духовенству Иерусалимского патриархата, католической и армянской церквям.

Авторы рассматриваемых в настоящей публикации мемуаров принадлежали в большинстве своем к духовенству Русской православной церкви. Благодаря полученному специальному образованию (семинарии или академии) они хорошо знали, что греческая Иерусалимская, а также другие восточно-христианские церкви являются братскими для русского православия,

хотя у них имелись богослужебные и иные различия. Однако действительность не совпадала с ожиданиями, которые существовали на этот счет у русских паломников. Различия и даже противоречия церковью, традиционно позиционировавшихся как «сестры», оказывались на практике достаточно серьезными. Именно об этих религиозных несовпадениях, а также о сходстве, преломлявшемся в сознании русских паломников, пойдет речь в настоящем исследовании.

Источниками для него стали мемуары русских паломников, которые побывали в Палестине во второй половине XIX — начале XX в. Для сравнения автором использованы воспоминания поклонников (так нередко называли в России людей, направлявшихся в святые места), которые посетили Святую землю в разное время — в 1860-х, 1870-х, 1880-х, 1890-х гг. и в начале XX столетия. Это дает возможность сравнить восприятие действительности в разные хронологические периоды.

Авторы рассматриваемых воспоминаний являлись уроженцами разных регионов обширной Российской империи. Больше всего их было с русского Севера. Игумен Никандр и Г. Корельский приехали на Ближний Восток из Архангельской земли, А. Трапицын — из Вятской епархии, В. Крючков и Е. Мерцалов — из Олонецкой (Карелия). Двое паломников служили на Украине, протоиерей Никанор Карашевич — на Волыни, а И. Рыжановский — в Подолии. Из центральной России отправился в паломничество костромич А. П. Касторский, орловец протоиерей Михаил Вуколов, а также некая паломница, пожелавшая остаться неизвестной, но, скорее всего, являвшаяся москвичкой, раз ее воспоминания были опубликованы в «Московских церковных ведомостях». Еще один автор — А. Вендеревский — проживал в Астраханской губернии. Абсолютное большинство из перечисленных клириков РПЦ принадлежало к духовному сословию. Среди них были как представители белого духовства, так и черного. К монашествующим принадлежал упомянутый выше игумен Никандр, состоявший в братии Соловецкого монастыря, а также автор, скрывшийся под инициалами и псевдонимом «А. Л., иннок-паломник». Мемуары почти всех перечисленных лиц были опубликованы в местных церковных официозах — «Епархиальных ведомостях». Только воспоминания монаха А. Л. появились в таком всероссийском повременном издании, как «Душеполезное чтение».

Наибольших высот в духовной карьере достиг мемуарист Евгений Александрович Мерцалов, родившийся в Тульской губернии в семье диакона. Однако благодаря своим способностям и недюжинной амбициозности он получил солидное духовное образование, окончив Московскую духовную академию. После этого он был направлен в Петрозаводск, где стал преподавать в Олонецкой семинарии основное, догматическое, нравственное богословие и другие дисциплины. На этом посту он и совершил свое паломничество в Палестину в 1899 г. В дальнейшем о. Евгений был назначен на должность ректора этого учебного заведения, а потом переведен в Тверь ректором местной духовной семинарии. В 1907 г. следующей логической ступенью его карьеры стала хиротония его во епископа Муромского — викарного иерарха Владимирской епархии. С 1912 по 1919 г. он занимал кафедру епископа Юрьевского той же епархии. В 1919 г. о. Евгений возглавил Олонецкую епархию, переехав в Петрозаводск, но вскоре, через год, скончался [5, с. 8—12].

Мемуары Е. А. Мерцалова отличаются от многих других использованных нами воспоминаний высоким уровнем научности. Помимо личных впечатлений

он приводит развернутые справки об истории Иерусалима, различных святых мест, которые ему удалось посетить. На страницах его мемуаров часто встречаются ссылки на воспоминания его предшественников-паломников, на научную и популярную литературу, круг которой весьма широк.

Еще один автор — Николай Григорьевич Гусев, окончил Казанскую духовную академию, после чего был зачислен в штат Вятского женского епархиального училища, в котором учились дочери провинциального духовенства и которое готовило педагогов в основном для местных церковно-приходских школ. Здесь Н. Г. Гусев преподавал педагогику и дидактику. С 1903 г. он исполнял обязанности редактора неофициальной части «Вятских епархиальных ведомостей». Стоит отметить, что он также являлся одним из функционеров епархиального отделения Императорского православного Палестинского общества [7, 1902, № 19, ч. неофиц., прил., с. 8; 1909, № 22, ч. офиц., с. 499].

Что касается другого мемуариста — Александра Петровича Касторского, то он родился в Нерехтском уезде Костромской губернии, окончил Костромскую семинарию, а затем Казанскую духовную академию. Как один из лучших выпускников Касторский был оставлен на преподавательской работе в этом учебном заведении в качестве доцента по кафедре истории церкви, а в дальнейшем получил звание профессора [17].

В отличие от этих трех авторов, имевших серьезное академическое образование, большинство остальных мемуаристов являлись простыми сельскими батюшками. Их мемуары отличаются стилистической незатейливостью, простотой рефлексии встреченных ими палестинских реалий. Однако это не снижает ценности тех наблюдений, которые были сделаны ими во время далеких путешествий, продолжавшихся обычно не один месяц.

В головах абсолютного большинства паломников существовал сложившийся стереотип о том, что на Ближнем Востоке, куда они ехали и где находится Гроб Господень, они встретятся с такой же православной церковью, какая существовала в России. Только ученое духовенство с академическим образованием, составлявшее меньшинство паломников, *argiori* имело представление о различиях Русской православной церкви и восточных христианских церквей.

Поэтому по приезде на христианский Восток паломники обращали внимание, прежде всего, на то, что сразу бросалось в глаза — иное устройство православного храма, иной алгоритм богослужения. Священник из Вятки А. Трапицын уже во время первой остановки на пути в Палестину, т. е. в Константинополе, увидел в патриаршей церкви, что антиминс выглядит не совсем так, как в русском храме, что на храмовый престол здесь не кладут на-престольный крест, а в алтаре нет такого величественного горнего места, как в российских церквях [7, 1895, № 5, ч. неофиц., с. 149].

Тот же А. Трапицын, побывавший проездом в Солуни (Салониках) в митрополичьем храме св. Григория Паламы и в церкви св. Федоры, отметил не только наличие в греческих храмах стасидий — мест для сидения (как в католических костелах), но и существование особого отделения для женщин на хорах, которое носило название «генекон» [7, 1895, № 6, ч. неофиц., с. 199].

Остановившийся на пути в Святую землю в Бейруте священник А. Касторский из Костромы сразу увидел, что в православном храме отсутствует привычное для него паникадило, которое составляло и составляет ныне важную деталь внутреннего убранства русской церкви. Вместо него в бейрутском

храме были рядами развешаны лампы. Также ему в глаза бросились упомянутые выше стасидии и то обстоятельство, что при звоне раскачивают не язык колокола, а сам колокол [10, 1911, № 15, ч. неофиц., с. 466]. От себя добавим, что такой же способ церковного звона, как в Бейруте, практиковался на северо-западе России. Об этом проживавший в центральной России А. Касторский, вероятно, не знал.

Но особенно большой неожиданностью для православных паломников из России было отсутствие иконостаса в греческих храмах. Они даже чувствовали себя не очень удобно в храме, так как иконостас, появившийся в России во времена глубокого средневековья, вместе с находившимися в нем иконами прочно стал элементом православной культуры. В. Крючков, попавший, как и большинство паломников, в Вифлеем, был просто поражен, что в особо священном для всех веровавших в Спасителя вифлеемском храме Рождества Христова между основным пространством храма и алтарем не было даже тканевой завесы, которую он перед этим видел в иерусалимском соборе Гроба Господня [13, 1912, № 7, ч. неофиц., с. 151].

Особенно много паломников приезжало из России в Палестину на Пасху и Рождество. Они обращали особое внимание на различия в праздничном алгоритме у себя на родине и в Святой земле. Инок-паломник под инициалами А. Л. отмечал, что предпраздничное украшение храма Воскресения в Иерусалиме заключалось преимущественно в развеске на железных цепях как можно большего числа лампад [1, с. 143].

Основными компонентами религии как системы являются миф, обряд и этос. Миф и этос у РПЦ и восточно-христианских церквей были практически одинаковыми, однако в обрядности существовали существенные различия. Именно обрядовые особенности в первую очередь бросались в глаза русским паломникам на Ближнем Востоке. Причем это прежде всего касалось представителей духовенства, которое в отличие от мирян знало малейшие тонкости в каноне богослужбной практики. Игумен Никандр как некую экзотику увлеченно описывал «повестку» к вечерне в греческом монастыре св. Екатерины на Синае: сначала монахи ударяли по специально подвешенной доске, потом по большому металлическому полукружью и, наконец, следовал выстрел из пушки и трезвон в колокола «вовся» (это выражение обозначало интенсивный звон во все колокола). Утренняя была объявлена здесь тремя пушечными выстрелами и последовавшим за ними колокольным звоном [2, 1913, № 18, ч. неофиц., с. 509].

Если характеризовать общее впечатление паломников от греческого богослужения, то наиболее емко его выразил протоиерей о. Михаил Вуколов: у греков все «мрачно и просто», русского благолепия, берущего прихожанина за душу, у них нет [14, 1913, № 13, ч. неофиц., с. 398].

Аналогичное впечатление производила на русских служба в армянской церкви. Протоиерей Н. Карашевич, побывавший на Пасху в армянском монастыре в Иерусалиме, был весьма разочарован тем, что в «радостнейший день» все священные действия и крестный ход происходили в полном молчании, «которое для нас, православных, показалось скучным» [6, 1874, № 20, ч. неофиц., с. 781].

Целесообразно остановиться также на других детальных различиях, которые получили свое отражение в паломнических записках. Например, игумен Никандр свидетельствовал, что архиерейское служение в Палестине отличалось тем, что не было соответствующей встречи при входе патриарха

Иерусалимского в алтарь главного христианского храма Гроба Господня. В России даже для епископа такого рода торжественная церемония обязательно устраивалась [2, 1913, № 17, ч. неофиц., с. 478].

По мнению В. Вендеревского, простота служения у греков в определенной степени объяснялась их смирением перед величием крестного подвига Спасителя. Например, он был немало поражен тем, что в храме Гроба Господня архиереи и даже сам патриарх служили без митр «в знаменование бывшего здесь унижения Христа», т. е. его пригвождения к кресту [4, 1887, № 15, ч. неофиц., с. 602].

Русских удивляла доступность иерусалимских иерархов, в том числе предстоятеля этой церкви. В России для рядового клирика епископ, а тем более митрополит был почти недоступной фигурой. Между тем большинству паломников из духовенства в Святом Граде удавалось попасть на прием к патриарху Иерусалимскому. При этом русские поклонники отмечали, что он вне службы ходит даже без панагии на груди, внешне не отличаясь от обычного священника [7, 1895, № 5, ч. неофиц., с. 150]. А. Трапицына в иерусалимской патриархии удивило также то, что греческие монахи, исполняя обряд, начало которому положил Спаситель, умывали ноги русским паломникам, в числе их — даже простым крестьянам [7, 1896, № 22, ч. неофиц., с. 1107—1108].

Еще одно обстоятельство приятно удивляло русских паломников и тешило их патриотические чувства. В приемной, где патриарх Иерусалимский встречал гостей из России, они видели портрет не только турецкого султана, но и российского императора с супругой, а также великокняжеской четы Сергея Александровича и Елизаветы Федоровны, которые преемственно являлись председателями Императорского православного Палестинского общества [11, с. 167—168].

Церковь, действовавшая в России, была, по сути дела, национальной. Она называлась Русской православной, и служба в ней шла на церковнославянском языке. В Палестине, кроме греков, составлявших меньшинство населения и в значительной степени принадлежавших к духовенству, было немало православных верующих, которые по национальности являлись арабами. Наши паломники сразу обращали внимание на то, что чтение Евангелия, Апостола и служба в целом нередко велись одновременно на греческом, арабском и церковнославянском языках [4, 1887, № 16, ч. неофиц., с. 641; 1, с. 147]. Последний использовался потому, что большую часть паломников в Святую землю составляли те, кто приехал из России. При этом славянскую часть службы вели священники — паломники из России.

Многие мемуаристы отмечали совершенно непривычное для славянского слуха греческое пение во время церковной службы. Протоиерей М. Вуколов писал, что «пение греков, унисонное, крикливое, да еще русскому богомольцу не понятное, не совсем приятно русскому уху» [14, 1913, № 13, ч. неофиц., с. 398]. Еще более откровенно и даже резко говорит о том же мирянин А. В. Елисеев. Он называет напевы греческих монахов в Гефсимании «гнусливыми», считая, что они способны расстроить самые крепкие нервы и «не способствуют благолепию службы» [8, с. 313].

Некоторые ритуальные практики в греческой церкви отличались от соответствующих российских вследствие разных природных условий, в том числе различий в природном царстве. Последнее воскресенье перед Пасхой отмечалось у всех христиан как Вход Господень в Иерусалим. В Палестине

непременным атрибутом этого праздника были веточки пальмы (вайи). В России пальм не было, и поэтому использовались ветки вербы, откуда происходило русское название этого дня — Вербное воскресенье. В православных же храмах Ближнего Востока народ стоял в церкви в этот праздник с ветками пальмы, которые во множестве продавались накануне церковного торжества на площадке возле храма св. Гроба, равно как и кресты, сплетенные из тех же ветвей [1, с. 146—147].

Священник Г. Корельский, побывавший на празднике Преображения на горе Фавор, где происходило это событие Священной истории, особо отметил в своих записках, что здесь этот день, именуемый в России Яблочным Спасом, так назвать нельзя. В палестинских храмах на Преображение освящались и раздавались верующим не яблоки, а «гроздия», т. е. виноград [2, 1912, № 18, ч. неофиц., с. 524].

В мемуарах русских паломников сохранилось довольно много свидетельств о том, что иерархи восточно-христианских церквей проявляли демонстративное гостеприимство по отношению к русским, приехавшим в Святую землю. А. Трапицын был весьма польщен приемом у константинопольского патриарха Неофита, который разговаривал с ним по-русски, но так как владел им неважно, то беседа оказалась краткой [7, 1895, № 5, ч. неофиц., с. 150]. В то же время побывавший в Константинополе А. В. Елисеев пишет, что патриарх отказался принять «серых» (т. е. из простого народа) паломников, а два каких-то «господина» беспрепятственно прошли в покои предстоятеля [9, с. 267].

Анализируя источники личного происхождения, можно сделать предварительный вывод о том, что константинопольская патриархия была менее других доступна для рядовых русских паломников. Более «демократические» порядки наблюдались в иерусалимской, антиохийской и александрийской церквях. А. Касторский и его спутники встретились в Бейруте одновременно с антиохийским патриархом Григорием IV и тремя митрополитами — бейрутским, ливанским и киликийским. Несмотря на то что их русские посетители являлись всего лишь студентами духовной академии, иерархи отнеслись к ним без малейшей чопорности, предложив им угощение [10, 1911, № 13, ч. неофиц., с. 466].

Беседа астраханского паломника А. Вендеревского с патриархом Иерусалимским Никодимом велась, по словам автора, «запросто», собеседники поговорили об Астрахани и ее рыбных промыслах, а также о Кишиневе, где патриарх жил некоторое время. Особое внимание в разговоре Никодим обратил на личность афонского подвижника о. Макария (Сушкина), сказав, что «у нас, на Востоке, в настоящее время подобного старца нет, разве только в России можно найти такого» [4, 1887, № 16, ч. неофиц., с. 636—637].

Г. Корельский отмечал, что иерусалимский патриарх Дамиан принял группу русских паломников очень ласково, каждого в отдельности удостоил беседы и благословил. При этом автор особо подчеркивал дистанцию огромного размера между собой (в то время он был всего лишь псаломщиком) и патриархом [2, 1912, № 18, ч. неофиц., с. 517].

Практически все паломники останавливались в своих записках на том, какое угощение им предлагалось греческим духовенством в Константинополе, Ливане, Палестине или на Афоне. А. Вендеревский, приехавший в Гефсиманию и прослушав там литургию, был приглашен в палатку, стоявшую под масличными деревьями. Там собрались знаковые для Палестины персонажи — один из митрополитов Иерусалимского патриархата, другие иерархи,

русский консул Д. Н. Бухаров. Угощение началось с варения, подаваемого с холодной водой. По-гречески это называется «глико», или «гликон». Затем участники «фуршета» выпили по чарочке мастики. Так называется алкогольный напиток крепостью не менее 47° на основе аниса; он распространен, прежде всего, на Балканском полуострове. В отличие от более широкого понятия «ракия» (водка), в мастику добавляют смолу мастичного дерева. Также каждому участнику трапезы выдали по кренделю, предложили виноград и инжир, а в заключение на десерт угостили чашечкой кофе [4, 1887, № 15, ч. неофиц., с. 608].

По свидетельству А. Касторского, в митрополии Бейрута им дали глико, которое было традиционным на Востоке, а также кофе, чай, рахат-лукум и даже папиросы. Угощение спиртным и тем более — табаком русских паломников удивляло, так как в среде русского духовенства курение было запрещено [10, 1911, № 13, ч. неофиц., с. 394].

А. Трапицына и его спутников во время визита в Иерусалимскую патриархию монахи угостили рюмкой «ракички» (водки-ракии), очень горькой на вкус, и сладким изюмом в качестве закуски. Потом был предложен обед, состоявший из каши (в источнике, к сожалению, не сказано какой), черного хлеба и соленых маслин. Некоторые от этого необычного для русских угощения отказались [7, 1896, № 22, ч. неофиц., с. 1107—1108]. Во многих паломнических мемуарах при описании восточных угощений между строк отчетливо проглядывает сравнение с обильными и разнообразными трапезами, которые практиковались в России как среди белого духовенства, так и в монастырях.

Единственное обнаруженное нами в изученных текстах исключение из этого правила — встреча участников паломнической экскурсии студентов российских духовных академий летом 1914 г. Они по указанию патриарха Дамиана были приняты в монастыре св. Герасима рядом с рекой Иордан «подлинно с чисто восточной роскошью», когда греческие монахи не ограничились дежурными блюдами — глико и кофе. Написавший отчет об этой паломнической поездке Д. В. Горохов отмечал: «Мягкий и необыкновенно вкусный хлеб, всякого рода сыр и масло, разнообразные рыбные консервы, всевозможные фрукты, всяких сортов вина и сладкие воды сделали для экскурсантов истинный праздник и великое утешение даже в дикой пустыне Иорданской» [16, с. 206].

Мечтой многих российских иереев было личное участие в богослужении в святынях вселенского христианства на Святой земле. Для тех, кто отправлялся в паломничество в Палестину, такая мечта становилась реальностью. Для этого необходимо было попасть на прием у кого-либо из иерархов Иерусалимского патриархата, представить ему свои паломнические документы, в которых говорилось, что проситель имеет тот или иной духовный сан, и затем получить особый документ, дававший возможность служить в храмах Святой земли.

Игумен Никандр за отсутствием патриарха, находившегося в отлучке, обратился в Иерусалиме с такой просьбой к архиепископу Епифанию. Тот внимательно просмотрел представленные русским клириком документы и выдал соответствующее разрешение [2, 1913, № 16, ч. неофиц., с. 458]. У священника И. Рыжановского из Подольской епархии возникли в аналогичной ситуации проблемы. Когда он обратился к патриарху Иерусалимскому Кириллу за благословением на службу, тот спросил, есть ли у него камиллава, без которой на Востоке служить нельзя. Отцу И. Рыжановскому,

не имевшему этого головного убора, пришлось срочно заказывать пошив черной камилавки. Затем он снова явился к патриарху, скромно держа головной убор в руках и не осмеливаясь одеть его в присутствии предстоятеля церкви. Однако патриарх сам возложил на голову русского священника камилавку и дал благословение на службу. Этот случай произвел на автора воспоминаний незабываемое впечатление [15, 1868, № 7, ч. неофиц., с. 190].

В. Крючков, получивший в Иерусалимской патриархии аналогичное разрешение, за время пребывания в Палестине успел послужить не раз в храме Гроба Господня в Иерусалиме, а также при гробнице Богородицы, в Вифлееме, Иерихоне, на реке Иордан и у священного дуба Мамврийского. Вместе с тем он отмечал, что его допускали служить только совместно со священниками-греками. Даже паломники-епископы из России служили не самостоятельно, а вместе с патриархом. Здесь между строк мемуаров проглядывала обида русских клириков: греки им не доверяют [13, 1912, № 4, ч. неофиц., с. 100].

Православные люди из России, привыкшие к благолепию обстановки не только в городских, но и во многих сельских храмах, переживали настоящий культурный и религиозный шок во многих православных церквях Палестины. Священник Е. Мерцалов, впервые лицезревший храм Гроба Господня, был немало удручен его внешним видом: «разочарование... увеличивается по мере приближения к храму и скоро переходит в скорбное чувство при виде явных следов небрежного отношения со стороны заведующих им: старинный карниз по местам обвалился, украшения на арках, особенно оконных, частью облупились, частью потрескались, а на подоконных выступках можно видеть слои пыли и высохшую траву» [11, с. 139].

Главные святыни христианства, такие как храм Гроба Господня в Иерусалиме или храм Рождества Христова в Вифлееме, выглядели еще относительно прилично, но когда наши земляки попадали в церкви, расположенные в палестинской «глубинке», их охватывало глубокое разочарование и даже скорбь. Сохранились два совершенно независимых друг от друга паломнических текста, в которых идет речь о храме в арабском селении Буркин, которое находилось на пути из Иерусалима к горе Фавор.

Священник Г. Корельский попал в это селение под вечер и ночевал в доме местного священника-араба. Паломника сразу поразили интерьер дома, столь зримо отличавшийся своей бедностью от среднестатистической избы русского сельского батюшки. Стены и пол были сложены из камня, на полу лежали циновки, свет в дом проникал через дверь и единственное окно. Стены были завешаны одеждой, среди которой терялась одна-единственная икона. В помещении жили не только иерей с женой, но также его два сына и замужняя дочь с зятем. Для себя и для гостей араб подал ужин, который был явно не привычен для путешественников, прибывших с севера: похлебка из чечевицы с какой-то крупой, арбуз, дыни, виноград и смоквы. Хлеб представлял собой пресную лепешку, испеченную не в печи, а на сковороде. Все это запивалось вином, разбавленным водой. По окончании трапезы священник-араб записал для поминовения за здоровье и упокой родных и близких своих гостей и собрал деньги за это. Гости быстро догадались, что все это является платой за весьма скромное гостеприимство, оказанное им. Несмотря на бедность домашней обстановки, священник раздал гостям свои визитные карточки сразу на трех языках: греческом, арабском и турецком.

Утром он направился с русскими паломниками в свой приходской храм, по поводу которого у Г. Корельского невольно вырывается восклицание:

«Боже мой, что это за церкви! Везде запущенность, неряшливость и грязь!» При выходе из храма с него и его спутников снова были собраны деньги [2, 1912, № 18, ч. неофиц., с. 520—521].

О той же церкви в селении Буркин, насчет которой Г. Корельский ограничился эмоциональным восклицанием, А. Касторский оставил более пространное описание: «Простая землянка без креста, похожая скорее на кузницу, — таков внешний вид этой церкви. Внутри потолок весь в трещинах, готов обрушиться. Сыро, грязно... Стены покрыты плесенью. Две-три иконы привешены к стене, служащей иконостасом. От царских врат осталась лишь одна половина. Вместо свечей продают огарки». Жалкое состояние храмов местное духовенство оправдывало стеснениями со стороны турецких властей, национальной враждой между греками и арабами, скудостью средств Иерусалимской патриархии. В порядке комментария к этим причинам автор кратко, но веско заметил, что если бы они верили в Бога по-настоящему, то сумели бы привести свои храмы в порядок [10, 1911, № 22, ч. неофиц., с. 687]. Что касается Г. Корельского, то он передает своим читателям подхваченный где-то слух о том, что палестинское духовенство специально содержит храмы в бедности и неустройстве, чтобы вызвать сочувствие и добиться максимально щедрых пожертвований [2, 1912, № 18, ч. неофиц., с. 520—521].

Упоминания о бедности и одновременно неопрятности некоторых палестинских храмов являются общим местом во многих паломнических мемуарах. Пожелавшая остаться неизвестной паломница, чье письмо было опубликовано в московском церковном официозе, с сокрушением восклицала об известном монастыре Георгия Хозевита: «Вообразите: над алтарем сквозная крыша из тростника и затянута холстиной от дождя!» [12, 1882, № 21, с. 280]. Протоиерей Н. Карашевич посетил церковь, построенную около Вифлеема на месте явления ангела пастухам с объявлением о рождении Христа, и душевно скорбел о том, что она «очень бедна» [6, 1874, № 22, ч. неофиц., с. 816]. Даже в заметках о Константинополе А. Касторский замечает: «Во Влахернской церкви, которая имеет вид самой убогой русской сельской церкви, пили воду из источника, называемого “агиасмой Влахернской”» [10, 1909, № 4, ч. неофиц., с. 97]. Между тем Влахернская церковь Константинополя являлась одной из главных святынь не только бывшей столицы Византии, но и на всем православном Востоке.

В Святой земле русские паломники испытывали не только религиозный восторг от прикосновения к святыням вселенского христианства, не только молитвенное настроение овладевало ими. Они воочию наблюдали всеобщую коммерциализацию мест, связанных со священной историей. Это негативное явление получило широкое распространение благодаря греческой церкви, которая, как представлялось русским поклонникам, насквозь пропитана духом наживы — от самых низших клириков до высших иерархов.

В этом отношении довольно любопытное и неоднозначное явление представляли собой греческие православные монастыри. Они существенно отличались по строю своей деятельности и по своим целям от российских. Главной целью русских монахов было молитвенное общение с Богом, только на втором месте в них стояла какая-либо мирская хозяйственная деятельность. В греческих монастырях Палестины коммерческая составляющая была главной. Что касается духовной жизни, то она практически отсутствовала, прежде всего, по той причине, что в этих монастырях не было монахов. Как отмечает в своих многотомных мемуарах «По белу свету» А. В. Елисеев,

единственным представителем черного духовенства в типичном монастыре являлся игумен, его помощниками были миряне из местного арабского населения. Монастырь фактически представлял собой гостиницу, а главной целью ее содержателя-игумена являлось получение максимального дохода от православных паломников, абсолютно большую часть которых составляли русские. Поэтому их селили как можно теснее и в самых дискомфортных условиях. Тот же А. В. Елисеев отмечал, что в греческом монастыре в городе Наплусе (в настоящее время он называется по-другому — Наблус, в русской традиции — Сихем) его вместе со спутниками поместили на ночлег в каком-то подвале, при этом греческий игумен был не особенно любезен с паломниками. Но когда Елисеев предъявил имевшееся при нем рекомендательное письмо патриарха Иерусалимского, поведение игумена изменилось на диаметрально противоположное: в распоряжение гостя, оказавшегося «почетным», он предоставил две свои комнаты, прекрасно обставленные, с коврами и подушками, угостил его сытным ужином, кофе, шербетом и восточными сладостями и даже поставил по русской традиции самовар [9, с. 322].

Тот же русский путешественник некоторое время прожил в Георгиевском греческом монастыре в Яффе, эту обитель-гостиницу он без обиняков называет «негостеприимной». Многие русские паломники были вынуждены на протяжении десятилетий пользоваться услугами этого монастыря, так как они не могли сразу же после прибытия морем в порт Яффы пуститься в путь верхом или в экипажах по неудобной и небезопасной грунтовой дороге до Иерусалима [9, с. 289]. А. Трапицын с удовлетворением отмечает, что после проведения железной дороги между этими двумя городами не надо останавливаться в Георгиевском монастыре, в котором кошельки паломников заметно облегчались в результате добровольно-принудительных пожертвований на свечи и поминовение [7, 1895, № 17, ч. неофиц., с. 715].

Священник Петр Архангельский на рубеже XIX—XX вв. также с удовлетворением констатировал, что благодаря стараниям руководителя Русской духовной миссии о. Антонина, построившего целый ряд русских подворий в Палестине, «наши богомольцы избавлены теперь от необходимости останавливаться в грязных и сырых греческих казематах, как было еще не далее 15 лет тому назад» [3, с. 116].

Тому же А. Трапицыну не понравилось откровенное вымогательство, с которым паломники столкнулись непосредственно в резиденции патриарха Иерусалимского. Он пишет, что греки «приглашали» (читай — требовали) русских к пожертвованиям дважды — сначала на покупку свечей, а потом при составлении записок за упокой и за здоровье близких (это были два стандартных повода для пожертвований). Вдобавок услуги, за которые паломники платили, предоставлялись неаккуратно и даже неуважительно. Греки записывали имена для молитв за упокой и за здоровье в один и тот же список. Выдаваемые на руки так называемые разрешительные грамоты были написаны на русском языке, но с грамматическими ошибками [7, 1896, № 22, ч. неофиц., с. 1109].

Олонецкий паломник В. Крючков приводит еще более возмутительный случай не просто поборов, а обмана русских паломников. Его спутника православные священники-арабы пригласили в одном из селений в восприемники при крещении младенца. В это время русские торопились отправиться к Мамврийскому дубу, и для того, чтобы отвязаться от настойчивых просьб, поневоле пришлось согласиться. После таинства крещения оказалось, что простодушному русскому паломнику надо пожертвовать 3 рубля «на ризки»

(ризы), взятые у тех же арабов, а за крестины заплатить 5 рублей. Вдобавок «на зубок» новорожденному пришлось отдать еще 10 рублей [13, 1912, № 7, ч. неофиц., с. 151].

Среди русских паломников греческое духовенство особое внимание уделяло богатым предпринимателям, которые могли пожертвовать в пользу святых мест значительные суммы. Одним из спутников мемуариста протоиерея Н. Карашевича являлся донской купец С. Н. Кошкин, которого автор характеризовал как «великого ревнителя благолепия храмов». Он регулярно жертвовал большие средства на благоустройство церквей Афона и Святой земли. Когда в Иерусалимской патриархии узнали о прибытии Кошкина в Иерусалим, то его немедленно пригласили в зал приемов и патриарх наиболее продолжительную беседу имел именно с этим богатым «спонсором» [6, 1874, № 20, ч. неофиц., с. 737—738].

Сравнивая русские паломнические мемуары различных периодов на протяжении второй половины XIX — начала XX в., можно проследить постепенную эволюцию отношения россиян к греческой церкви. В 1860-х гг. паломничества из России в Святую землю были большой редкостью. Немногочисленные поклонники из России, если судить по их запискам, пребывали в эйфории по поводу того, что они видели и слышали в Палестине. Инок-паломник А. Л., наблюдавший богослужение в главной святыне христиан, писал: «Храм Воскресения Господня, оставшийся отпертым в течение целого дня, представлял зрелище умиленное, напоминающее лучшие времена христианские; в нем тысячи разноплеменных, отличных по происхождению и языку, но родных по вере поклонников смешались здесь в одну дружную семью и братским лобзанием изъявили, что благодатью Христовой они все хранят единение духа в союзе общей им православной веры» [1, с. 124].

Не получили отражения какие-либо противоречия или нестроения в отношениях с палестинскими греками и в мемуарах 1870-х гг. Н. Карашевич в самых радужных красках расписывает гостеприимство монахов в монастыре св. Георгия в Лидде. По его словам, они «приняли нас как старых знакомых или родственников, угостили плодами» [6, 1874, № 20, ч. неофиц., с. 734].

В паломнических мемуарах 1880-х гг., например у А. Вендеревского, на первый взгляд также наблюдается та же благодатная картина. Автор, посетивший Вифлеем, ничего не говорит о проблемах, которые существовали в храме Рождества Христова, как, впрочем, и в других храмах, которые одновременно принадлежали двум или трем конфессиям (православным, католикам, армянам). Он не упоминает о противоречиях и даже столкновениях между ними и о турецких часовых, которые в связи с этим стояли для охраны порядка у одного из главных христианских храмов, хотя все эти проблемы в тот период обозначились достаточно рельефно. Единственный негативный штрих в путевых записках А. Вендеревского просматривается при описании схождения святого огня накануне праздника Воскресения Христова. Автор описывает слишком шумное ликование прихожан-арабов, прямо его не осуждая, но подразумевая, что в Русской православной церкви такие вольности недопустимы [4, 1887, № 15, ч. неофиц., с. 612; 1887, № 16, ч. неофиц., с. 644].

Сейчас сложно предположить, почему паломники-священники этого периода, т. е. конца XIX в., не упоминали видные невооруженным глазом настроения в отношениях греков и русских, ограничиваясь только рассказами о разнице в богослужественной практике и устройстве храмов. Возможно, духовная цензура, действовавшая, в том числе, на местном уровне, вымарывала

из их мемуаров чересчур откровенные высказывания о «церкви-сестре» со страниц «Епархиальных ведомостей». Возможен и другой вариант: простор для изложения правдивой информации ограничивался самоцензурой авторов, которые тщательно отбирали материал для своих публикаций. Вполне возможно, что в этих ситуациях действовала как цензура, так и самоцензура.

По-иному выглядят мемуары начала XX столетия. Побывавший на Синае в греческом монастыре св. Екатерины игумен Никандр почти не скрывает, что сумма, взятая монахами с русских паломников за предоставленных верблюдов, проводников и провизию в дорогу, явно превышала реальную стоимость этих услуг. Автор открыто не жалуется, но дает понять, что русские паломники были недовольны этими чрезмерными поборами [2, 1913, № 18, ч. неофиц., с. 510].

А. П. Касторский, посетивший греческий монастырь на горе Фавор, был очарован его игуменом добродушным отцом Пахомием, который снабдил русских паломников провизией на довольно длинную дорогу до Иерусалима. В то же время он сомневался в подлинности показанного ему греками места, где стоял Спаситель во время своего Преображения: «Конечно, подлинность этого места не бесспорна. Такого рода сомнения были просто невозможны в мемуарах, вышедших из печати конце XIX в. [10, 1911, № 21, ч. неофиц., с. 653]. В начале следующего столетия при ослаблении светской и духовной цензуры после революции 1905—1907 гг. такие сомнения не представляли собой ничего необычного и не воспринимались как «покушение на святое».

Тот же А. П. Касторский в заключение своего паломнического дневника (опубликован в 1912 г.) делает следующий довольно откровенный и невозможный за два-три десятилетия до этого вывод: «путешествие разрушило мои идеальные представления о современном восточном христианстве. Я разумею по преимуществу его внешнюю сторону. Как не похожа она на ту форму, в которую вылилось христианство у нас! После знакомства с ней свое и родное кажется еще более близким и еще более лучшим». Правда, он сразу же как бы спохватывается после такой тирады и примирительно добавляет: «Но за внешним разнообразием пусть не забывается внутреннее единство» [10, 1912, № 14, ч. неофиц., с. 417].

Гораздо более откровенными выглядят мемуары мирян, которые не были ограничены ни духовной цензурой, ни сословной самоцензурой. В этом отношении наиболее характерны воспоминания А. В. Елисеева, который в разные годы совершил несколько путешествий по Палестине, при этом был не паломником в строгом смысле этого слова, а скорее, исследователем-путешественником.

Он еще в конце XIX в. откровенно высказывал в своих путевых записках «По белу свету» то, о чем стыдливо умалчивали паломники из среды духовенства — о повальной коммерциализации вселенских святынь греческим духовенством. А. В. Елисеев писал: «Все окружающее эту великую святыню до того сильно профанирует религиозное чувство, что, как бы ни сильно было оно у посетителя — оно неминуемо должно ослабеть». Автор, по его словам, вышел из храма Гроба Господня «потрясенный не столько глубиной чувства, охватившего меня, сколько негодованием на ту профанацию величайшей святыни, которая противоречила всем моим представлениям» [8, с. 297].

Он прямо обвиняет греческое духовенство в том, что оно, увлекаясь денежными поборами с паломников, забывало о своем духовном служении, миссионерских обязанностях и о сопротивлении иным конфессиям, которые отбивали у греков арабскую паству. Елисеев увидел в Палестине широкое

распространение католической и протестантской пропаганды. Он с сожалением констатировал, что «греческие монахи не оказались здесь на высоте своего призвания, не сумели поддержать падавшего православия и допустили проделывать в нем значительные бреши» [9, с. 347].

В заключение отметим, что при анализе литературы такого жанра, как паломнические мемуары, в их содержании достаточно ясно просматривается невербальная категория «другого». Ее присутствие можно проследить в рассказах о богослужебных практиках, в описании устройства храмов Святой земли. Авторы воспоминаний сравнивают то, что они видели на Ближнем Востоке с реалиями, существовавшими в то время в Русской православной церкви.

По поводу бросавшихся в глаза существенных обрядовых или архитектурных отличий авторы-священники или монахи не выказывают возмущения и даже не подразумевают его. Они занимают отчетливую позицию терпимости, очевидно, хорошо понимая, что при догматическом единстве обрядовые порядки в «церквях-сестрах» могут быть разными. За скобками проанализированных текстов в мемуарах второй половины XIX столетия остается наверняка копившееся у паломников, но не высказывавшееся публично недовольство излишним меркантилизмом греческого духовенства Палестины. Последнее воспринимало гостей с севера в основном как овец, предназначенных в большей степени не для пастыбы, но для «стрижки» в известном смысле этого слова.

Однако в начале XX в. в условиях расширившихся в России возможностей для устного и печатного слова авторы стали не только констатировать различия в обрядовой практике, но и все громче высказывать недовольство денежными поборами греческого духовенства, от которого существенно страдали русские паломники. Эти настроения были особенно рельефно заметны на фоне того, что такого рода мздоимство было нехарактерно для католиков. Они чаще всего не брали денег за посещение принадлежавших им в Палестине святынь даже с православных поклонников, конфессионально чуждых им.

В данном контексте упомянутая выше категория «другого» постепенно трансформируется в воспоминаниях начала прошлого столетия в категорию «чужого». Последнее не только смущало, но и возмущало мемуаристов. Это негодование было особенно острым, так как поборы греков в значительной степени смазывали впечатление от святынь вселенского христианства. Ожидания русских паломников относительно святых мест на Ближнем Востоке, как оказывалось на практике, не соответствовали той действительности, с которой сталкивались десятки тысяч русских, приезжавших в Палестину. Углублявшийся разрыв между ожиданиями и действительностью заставлял мемуаристов выражать свои негативные впечатления все более откровенно.

Библиографический список

1. А. Л. Инок-паломник. Великий пост в Иерусалиме // Душеполезное чтение. 1863. № 2. С. 121—148.
2. Архангельские епархиальные ведомости.
3. Архангельский П. О паломничестве духовенства к Святым местам Востока // Сообщения Императорского православного Палестинского общества. 1899. Январь—февраль. С. 106—117.
4. Астраханские епархиальные ведомости.
5. Балдин К. Е. Предисловие // Мерцалов Евгений, священник. От Петрозаводска до Иерусалима. Путевые заметки и впечатления паломника. М.: Индрик, 2014. С. 7—24.

6. Волынские епархиальные ведомости.
7. Вятские епархиальные ведомости.
8. *Елисеев А. В.* По белу свету. Очерки и картины путешествий по трем частям старого света. Т. 1. 3-е изд. СПб. : Изд-во П. П. Сойкина, 1915. 362 с.
9. *Елисеев А. В.* По белу свету. Очерки и картины путешествий по трем частям старого света. Т. 2. 2-е изд. СПб. : Изд-во П. П. Сойкина, 1904. 360 с.
10. Костромские епархиальные ведомости.
11. *Мерцалов Евгений*, священник. От Петрозаводска до Иерусалима. Путевые заметки и впечатления паломника. М. : Индрик, 2014. 256 с.
12. Московские церковные ведомости.
13. Олонецкие епархиальные ведомости.
14. Орловские епархиальные ведомости.
15. Подольские епархиальные ведомости.
16. *Сухова Н. Ю.* Паломничество на Православный Восток студентов духовных академий летом 1914 г. // Православный Палестинский сборник. Вып. 109. М. : Индрик, 2014. С. 189—216.
17. URL: <http://www.pstbi.ru> (дата обращения: 16.05.2015).

ББК 63.3(2)613-5

Ю. А. Ильин

КОММУНИСТЫ «КРАСНОЙ» ГУБЕРНИИ В ГОДЫ НЭПА: ЗАВЕРШЕНИЕ ПРОЦЕССА ПЕРЕРОЖДЕНИЯ ПРОЛЕТАРСКОГО ЯДРА ВНУТРИ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ПАРТОРГАНИЗАЦИЙ (вторая половина 1923 г. — 1928 г.)

Рассматриваются завершающий период «депролетаризации» ядра правящей партии на материалах Иваново-Вознесенской губернии, превращение первичных парторганизаций региона в двухуровневую структуру («верхи» и «низы»), процесс становления сословия номенклатурных работников, ряды которого пополнялись из представителей аппарата и членов их семей.

Ключевые слова: численность, состав, идейность, дисциплина партийцев, актив и партийный аппарат, их маргинализация.

The article considers the final period of the ruling party's proletarian core degeneration on the example of Ivanovo-Voznesensky province, the transformation of primary party organizations of the region into a two-level structure («upper» and «lower classes»), the process of nomenclature establishment, whose ranks were replenished from the representatives of the 'apparat' and their family members.

Key words: size, composition, ideology, discipline of party members, the asset and the party apparatus, their marginalization.

Новый этап маргинализации пролетарского базиса губернской парторганизации начинается со второй половины 1923 г. и заканчивается осенью 1925 г. По крайней мере, это суждение строится на основе материалов газеты «Рабочий край». По статистическим данным, приводимым указанным периодическим изданием, именно со второй половины 1923 г. наблюдался значительный прирост партийных рядов иваново-вознесенской парторганизации:

за первую половину 1923 г. ее численность составляла 3 275 человек, за вторую — уже 4 657 человек, т. е. прирост рядов партийцев составил 42,2 %¹. Такая тенденция не наблюдалась в губернской организации с 1917 до весны 1918 г. Значительный рост численности провинциальной парторганизации не имел под собой объективного обоснования: социально-экономическая ситуация в крае, особенно в городах и промышленных селах, была сложной по причине кризиса перепроизводства, задержек с выдачей зарплаты, роста безработицы, социальной перегрузки промышленных центров края. Тут решающую роль сыграл субъективный фактор: приоткрылись «шлюзы контроля» в деле приема в ряды партии, сыграло стремление ответственных лиц расширить социальную базу генерального руководства партии в борьбе против Л. Д. Троцкого и его сторонников, развернувших именно в этот период дискуссию против волонтаризма и бюрократизма «верхов» партийного аппарата, тем самым ослабить влияние тех членов партии на местах, которые прошли школу воспитания через военное ведомство Л. Д. Троцкого в период гражданской войны. Ведь среди массы рядовых коммунистов было немало лиц, по-прежнему воспринимавших его как второго лидера страны. Сработал классовый инстинкт на усиление роли генералитета партии в профсоюзах и на производстве через воспитание новых партийных кадров для пополнения ими партийных фракций в профессиональных объединениях пролетариата и непосредственно на производстве (так называемой «партийной инфраструктуры», играющей роль «приводных ремней» от партии к массам).

Что интересно, в губпарторганизации процесс роста численности рядов явно зашкаливал. По сути уже во второй половине 1923 г. началась форсированная кампания по насыщению рядов организации представителями рабочего класса (своеобразный «пролог ленинского призыва»). Нет пока исчерпывающих фактов этого явления, но на данной стадии разработки вопроса можно предположить, что катализатором его были и мотивы другого порядка, а именно: стремление омолодить партию, создать за счет привлеченной молодежи мощный кадровый резерв (в данном случае через раздувание института кандидатов партии) для последующей радикальной замены на ответственных постах по всей вертикали доминировавшей в тот период старой ленинской гвардии (призыв до 1917 г.) и «молодогвардейцев» партии (призыв периода гражданской войны). Напомним, что в этот период губернская партийная организация находилась под контролем команды С. Зорина (до 1925 г.), приверженца троцкистских взглядов. Разумеется, это гипотетическое суждение требует радикальной проверки через интенсивное исследование источников и, прежде всего, материалов фондов столичных и региональных архивов. Это дело будущего. Сейчас же пока ограничимся этим объяснением.

Так что «ленинский призыв», инициированный руководством страны по случаю смерти вождя, придал уже шедшему форсированному процессу приема новый импульс роста. За первую половину 1924 г. ряды региональной организации выросли на 69 %, т. е. с 4 657 до 7 874 человек². Высокие темпы сохранились, правда, на порядок ниже, во второй половине 1924 г. (на 42,7 %, т. е. с 7 874 до 11 239 человек) и в первой половине 1925 г. (на 28,1 %, с 11 239 до 14 397 человек). Таким образом, в нашем крае массовый охват трудящихся по приему в партию проходил 1,5 года (1924 г. — первая половина 1925 г.)³.

¹ Рабочий край. 1925. 8 дек.

² Там же. 1925. 3 июля, 8 дек.

³ Там же. 3 июля, 3 окт., 13 окт., 8 дек.

В отчетном докладе Н. Н. Колотилова на XX губпартконференции (июнь 1925 г.) особо отмечалось, что 34,5 % всех первичных организаций (209), объединявших 66,5 % членов и кандидатов партии, функционируют на производстве. Им отмечался пролетарский статус коммунистов края: среди членов и кандидатов насчитывалось 75,5 % рабочих, 9,3 % крестьян и 14,2 % служащих. Партийная прослойка рабочего класса губернии охватывала 12,3 % их общей численности⁴. Казалось бы, достигнут полный триумф. И речи не может идти о маргинализации пролетарского ядра провинциальной партийной организации. Но именно в этот «блестящий» для организации период жизни начинают проявляться (и весьма активно) процессы, ведущие в конечном итоге к перерождению кадрового базиса партийной структуры края.

Попробуем это показать, используя официальные материалы газеты «Рабочий край».

Пункт 1. Соотношение членов и кандидатов в члены партии.

Если осенью 1921 г. численность кандидатов в партию составляла 10,9 % состава губпарторганизации, то на 1 ноября 1925 г. — уже 49,3 %, т. е. почти половину всех партийцев; а летом и осенью 1925 г. даже 53—55 % всего состава организации⁵. Даже если согласиться, что подавляющее большинство кандидатов призывов 1923—1925 гг. были кадровыми рабочими («от станка»), то их статус и реальное положение были занижены: они могли присутствовать на партийных собраниях первичек, но обладали лишь совещательным голосом. Реально влиять на принятие решений не могли. С другой стороны, такая масса партийцев-статистов оказывала моральное и психологическое воздействие на членов партии, старая (да и «молодая») гвардия терялась, растворялась в их среде, не могла охватить своим вниманием и влиянием новое пополнение (точнее, поколение) потенциальных членов парторганизации. Такой массивный приток новых членов затруднял их контроль со стороны ветеранов, выявление у кандидатов способностей к решению стоявших перед первичками задач. К этому добавим и то, что невольно, в силу перегрузки работы немногочисленного актива региональной организации, с их стороны нарастал формализм в деле фильтрации (отбора лучших и отсева недостойных) нарастающего контингента кандидатов. Этот процесс порой шел самотеком и стихийно. Такая тревожная тенденция была отмечена на пленуме губкома РКП (б) в октябре 1925 г.⁶

Пункт 2. Качественный состав партийцев (партийный стаж).

По данным на июнь 1925 г., удельный вес членов и кандидатов РКП (б) призыва 1924—1925 гг. составил 78 % всего состава губернской организации, а с учетом динамики кадров за июнь — сентябрь 1925 г. — более 80 %⁷. Эти данные говорят о том, что в партии численно абсолютно доминировали представители так называемого «ленинского призыва», не имевшие за плечами опыта подпольной работы, революционной деятельности в 1917 г. и закалки периода гражданской войны. Они не прошли испытания классового боя, лихолетья 1918—1920 гг., той исторической эпохи, которая приучила к самопожертвованию, ответственности, сплочению с массами.

Но, может быть, их воздействие не было таким значительным для полноправных членов партии, а институт кандидатства служил своеобразной

⁴ Там же. 1925. 3 июля.

⁵ Там же. 1921. 7 нояб. ; 1925. 3 июля, 3 окт., 13 окт., 8 дек.

⁶ Там же. 1925. 13 окт.

⁷ Там же. 1925. 3 июля, 3 окт., 13 окт.

организационной и идейной плотной от амбиций, необдуманных настроений и действий новичков? На XX губернской партконференции (июнь 1925 г.) была дана кадровая характеристика полноправных членов организации по партийному стажу. Оказывается, что ветераны партии (призыв до 1916 г. включительно) составляли лишь 3,82 % состава, участники революции и гражданской войны (призывы 1917—1920 гг.) — 33,9 %, члены партии стажа 1921—1923 гг. — 10 %, «ленинского призыва» — 52,2 %⁸. И среди членов партии именно призывники 1924—1925 гг. стали играть ключевую роль, определять послушное большинство на общих собраниях первичных ячеек. Стоит заметить и то, что 23,5 % состава членов и кандидатов партии представляли женщины. Причем среди них 62 % являлись кандидатами и 38 % — членами региональной организации⁹. Эта деталь исключительно важна, ибо в массе своей работницы текстильных предприятий имели низкий уровень общего и политического образования, были замучены тяжелой работой на производстве и домашними проблемами.

Пункт 3. Уровень идейности и сознательности членов партии, в частности поколения «ленинского призыва».

По данным на 1 сентября 1925 г., 90 % членов и кандидатов были сконцентрированы в промышленных центрах губернии, в основном в г. Иваново-Вознесенске, Середском, Шуйском и Тейковском уездах, Родниковском районе (для справки, губернская парторганизация насчитывала 8 уездных и 4 районных подразделения)¹⁰. Так как же обстояло дело с идейностью и сознательностью этих «партийных сгустков» губернии? Обратимся к материалам газеты «Рабочий край»:

— 31 июля 1925 г. В номере помещена статья, где констатируется низкая посещаемость партийного собрания. Автор объясняет это большим приемом в партию рабочих от станка и тем, что собрания проводятся по ночам (в частности, на НИВМ — с 21-00 до 3—5 часов)¹¹.

— 13 октября 1925 г. Приведено сообщение о работе очередного пленума губкома РКП (б). На нем, в частности, было констатирована тенденция слабостью посещаемости собраний и низкой дисциплины уплаты членских сборов¹².

— 26 сентября 1925 г. В номере газеты приведены факты ослабления партийной дисциплины летом — осенью этого года. Так, из 700 человек — 115 неаккуратно платили членские взносы, по этой причине были исключены из партии 44 человека. Посещаемость партийных собраний колебалась в диапазоне показателей от 25 %, до 45—46 % состава членов первичных подразделений. Называлась причина таких явлений — несознательность. Отмечались и другие причины несознательности членов партии: моральное разложение и формальное отношение к учебе¹³.

Может быть, те партийцы, что регулярно являлись на партийные собрания, проявляли в полной мере свои идейные качества? «Рабочий край» за 15 июля 1925 г. поместил любопытную заметку об одном таком собрании в Родниках под заголовком «Единогласно». Она о многом говорит, поэтому дадим ее полное содержание: «Общегородское партийное собрание.

⁸ Там же. 1925. 3 июля.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. 1925. 3 окт.

¹¹ Там же. 1925. 31 июля.

¹² Там же. 1925. 13 окт.

¹³ Там же. 1925. 26 сент.

Докладчик договаривает уже четвертый час. Председатель собрания старается уразуметь разошедшегося оратора, но, услышав в ответ: «Ведь нельзя же перебивать, дайте кончить», — застенчиво садится в кресло. В зале слышны всхрапывания. Покончив с первым вопросом, приступили ко второму, третьему. Преподносятся резолюции, «кто за?». Из 250 человек только 20—30. «Кто против?» — никого, воздерживающихся — тоже. «Единогласно»: басит сонным голосом председатель. И снова доклады. Публика единогласно спит. Докладчик, видимо, пользуясь абсолютной тишиной, — неистово кричит. Второй час ночи. Кончился последний вопрос. Каждый неспящий старается разбудить спящего: «Вставай, “Интернационал” поют»¹⁴.

Пункт 4. Кадровые рабочие, актив и партийный аппарат (1923—1925 гг.).

А как обстояло дело с привлечением рабочих «от станка» в актив и структуры партийного аппарата? Обратимся к характеристике 351 делегата XXI губернской партконференции (декабрь 1925 г.). Итак, в ее работе приняли участие 59 рабочих «от станка» (16,9 % состава) и 2 крестьянина «от сохи» (0,57 %), всего 17,47 % от всех делегатов конференции. Имеются данные и по количеству рабочих и крестьян (по показателю «социальное происхождение»): соответственно 66,67 % и 20,8 %, т. е. 87,47 % состава (для сравнения, из присутствовавших на партийном форуме трудящихся с производства — 17,47 % всего состава). Как видим, разница колоссальная. Можно было записать себя в рабочий контингент партии, но не быть кадровым рабочим и отстраниться от станка (аналогично для крестьян). Такие «рабочие» представляли интересы партийного аппарата. Подкрепляет такие суждения немаловажная деталь: указывалось, что 17,7 % делегатов впервые присутствовали на таком собрании, значит, более 82 % делегатов уже не раз выступали в таком статусе, что, несомненно, являлось прерогативой партийного аппарата¹⁵.

Таков был вектор направления во взаимоотношениях «верхов» и «низов» внутри губернской партийной организации. Разумеется, были и отклонения от него или в пользу, или в ущерб отношениям указанных сторон.

В деревне ситуация однозначно была хуже. На губернском совещании секретарей деревенских ячеек РКП (б) и РЛКСМ в выступлении представителя Родниковской волости было отмечено, что деревенские парторганизации замкнулись в своей деятельности, нет широкой связи с беспартийным крестьянством, наблюдается слабый приток крестьян в партию, нет деревенского актива, ведется слабая работа среди крестьянок. На пленуме губкома РКП (б) констатировалось, что «на селе большинство коммунистов на советской, хозяйственной, кооперативной работе. Крестьянского элемента мало...»¹⁶. О результатах политучебы среди сельских коммунистов и комсомольцев сообщала газета «Рабочий край» за 4 марта 1925 г.: Завражья волость Юрьево-вещского уезда. Хорошо усвоили знания 13,5 %, удовлетворительно — 54,5 %, слабо — 11,5 %, плохо — 20,5 % состава.

На крупных предприятиях с высокой концентрацией кадровых рабочих пройти в партию было весьма трудно, почти невозможно без солидного производственного стажа. Так, на Сосневской фабрике (г. Иваново-Вознесенск) в 1926 г. до одного года стажа никто не был принят, до трех лет — 7,5 %

¹⁴ Там же. 1925. 15 июля.

¹⁵ Там же. 1925. 12 февр.

¹⁶ Там же. 1925. 13 окт.

вступивших в партию, от 11 и более лет — 31 % пополнения. Аналогичная ситуация наблюдалась на Зарядьевской фабрике и других предприятиях города¹⁷.

И все же давил на первичные структуры партии общий вектор кадровых перемен в пользу поколения «ленинского призыва» (1924—1925 гг.). Последние годы НЭПа (1926—1929 гг.) лишь закрепили эту тенденцию.

Пункт 5. Кадровый состав губернской партийной организации на завершающем этапе НЭПа (1926—1929 гг.).

В газете «Рабочий край» за 1 января 1929 г. была помещена статья инструктора ЦК РКП (б) Гриневича. Он остро и с немалой долей тревоги поставил вопрос «Кого сейчас принимают в партию?». Для примера он взял данные по парторганизации Сосневской фабрики.

**Прием в ряды партийной организации Сосневской фабрики
(по показателю производственного стажа)**

Год	Производственный стаж, %		
	до 1 года	до 3 лет	11 и более лет
1926	0,0	7,5	31,0
1927	3,0	30,0	23,0
1928	6,2	46,0	15,5

Таким образом, к 1928 г. более половины принятых в партию на данном предприятии не были кадровыми рабочими. Автор этой заметки обоснованно делал вывод об омоложении производственного стажа поступавших в ряды иваново-вознесенской парторганизации. Он заявлял, что такая же картина наблюдалась и на других предприятиях г. Иваново-Вознесенска. И это при том, что на текстильных предприятиях губернии более 50 % рабочих имели дореволюционный производственный стаж. То есть наиболее зрелые и авторитетные рабочие находились вне поля зрения партии.

Для нас важно и другое его наблюдение, характеризующее статус партийцев «ленинского призыва»: на Зарядьевской фабрике (крупнейшая фабрика г. Иваново-Вознесенска) партийный актив на 50 % состоял из рабочих со стажем до 5 лет пребывания в партии и до 75 % из рабочих с послереволюционным производственным стажем. То есть это были не кадровые работники от станка, а скорее, рабочие по социальному происхождению, с партийным стажем, берущим отчет с 1923—1924 гг.

И вот при таком раскладе дел упорно насаждается центром и проводится на местах директива о 90 %-м приеме рабочих от станка. Именно так, в частности, проходила кампания в 1929 г. по приему в партию на территории Ивановской промышленной области, включавшей в себя бывшие Иваново-Вознесенскую, Владимирскую, Костромскую и Ярославскую губернии. В ходе ее в первом квартале года партийные комиссии области вышли на показатель приема рабочих от станка в 90,9 % от всех вступивших в партию, во втором квартале — 83,9 %.

Имеются данные о динамике роста рядов областной парторганизации за второй квартал 1929 г. (апрель — июнь). По шести округам (Шуйский, Кинешемский, Владимирский, Александровский, Ярославский и Костромской) и двум районам г. Иваново-Вознесенска (Городской и Посадский) в эти месяцы было принято 2 539 человек, из них 87,95 % принятых — рабочие от станка. А выбыло из партийных рядов 1 112 человек, из выбывших 77,8 % —

¹⁷ Там же. 1929. 1 янв.

рабочие. Положительное сальдо составило 1 427 человек. Заметим, что общий отсев за второй квартал составил 43,8 % от числа принятых, а из отсеявшихся рабочие составляли 77,8 % всех выбывших по разным причинам, в том числе производственные рабочие — 58,8 %.

Другая немаловажная деталь, тесно связанная с тревожным явлением, подмеченным Гриневичем в 1928 г.: наибольший отсев рабочих от станка шел именно на фабриках бывшей Иваново-Вознесенской губернии. Так, при среднем показателе отсева в 43,8 % состава принятых Шуйский округ дал 69,8 % отсева, Кинешемский — 65,9 %; Посадский и Городской районы г. Иваново-Вознесенска соответственно 62,8 % и 153,1% отсева.

Добавим к этому и то, что ряд округов хронически не выполнял норматив приема рабочих от станка (напомним, 90 % от всех принятых) Так, Костромской округ вышел на уровень лишь 65,5 % принятых, Кинешемский и Александровский округа соответственно 77 и 81 %. Такая ситуация с приемом вызвала к жизни постановление бюро Обкома ВКП (б) «О регулировании роста областной парторганизации» (сентябрь 1929 г.)¹⁸.

Складывается впечатление, что ситуация с приемом во второй половине 1920-х гг. напоминает период второй половины 1923 г. — 1925 г. Идет осознанный форсированный курс на пополнение рядов партии за счет рабочего элемента (лучше бы «от станка») для завершения разворота партии от НЭПа к новой генеральной линии партии. Это могли обеспечить партийный актив «ленинского призыва» (рабочие с партийным стажем) и новое пополнение (в качестве гаранта стабильности и отторжения оппонентов И. В. Сталина в вопросе судьбы НЭПа (так называемый «правый уклон»). Прямо скажем: много удалось сделать партийному аппарату в этом направлении. По данным на 1 июля 1929 г., рабочие от станка составляли 58,2 % от общей численности коммунистов Ивановской промышленной области. Но и немало кадровых рабочих (здесь надо согласиться с Гриневичем) выпали из поля зрения партии. Значительная их часть отстранилась от ВКП (б). Еще больше из них заняли позицию «болота» (отстраненность и апатия внутри организации). В силу входили партийцы-рабочие (без кадрового производственного стажа) и партийцы «разночинского происхождения», но со стажем аппаратной работы (в первичных профсоюзных и партийных структурах)¹⁹.

Вот с таким «кадровым ресурсом» партия делала радикальный разворот к сталинской стратегии строительства социализма, легко подминая под себя иные оценки, взгляды, суждения представителей так называемых «левого» и «правого» уклонов на экономику и политику страны, внутривнутрипартийную ситуацию, взаимоотношения «верхов» и «низов» партии.

На практике иваново-вознесенской партийной организации убеждаешься в том, что пролетарское ядро в его первородном воплощении стало формальностью, оно поглощалось маргинальной средой держателей членских билетов. По сути, произошло перерождение партии в пожизненную и самовоспроизводимую для ее командного состава управленческую структуру полуфеодалного вассального типа с присущими ей чертами неслышанного раболепства перед вождями разного ранга и безмерного равнодушия и презрения ко всем остальным.

¹⁸ Там же. 1929. 17 сент.

¹⁹ Там же. 1929. 5 сент.

ББК 63.442.14(2)

*Е. Л. Костылёва, Ж. Трейо (J. Treuillot), А. В. Уткин***КОСТЯНОЙ ИНВЕНТАРЬ ЛЬЯЛОВСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ
МОГИЛЬНИКА САХТЫШ Па****(Из фондов археологического музея ИвГУ)**

Представлены результаты морфометрического и технологического исследования костяного инвентаря из погребений льяловской культуры могильника Сахтыш Па, хранящегося в археологическом музее ИвГУ. При обработке кости применялись такие технические приемы, как скобление, прорезание, пропиливание и заточка.

Ключевые слова: неолит, могильник Сахтыш Па, льяловская культура, погребальный инвентарь, обработка кости.

The article presents the results of technological and morphometric research of bone inventory of burials Lyalovo culture cemetery Sahtysh Pa stored in the Archaeological Museum of ISU. In the treatment of bone such techniques as scraping, grooving, sawing and grinding were used.

Key words: Neolithic, cemetery Sahtysh Pa, Lyalovo culture, burial inventory, processing bone.

Комплекс археологических памятников, расположенных по южному берегу оз. Сахтыш и вытекающей из него р. Койки (Кийки) в Тейковском районе Ивановской области, широко известен как в России, так и за рубежом. Особый интерес среди них представляют могильники неолита-энеолита, связанные с льяловской и волосовской культурами IV—III тыс. до н. э.

Захоронения эпохи неолита-энеолита были исследованы раскопками Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР (РАН) под руководством Д. А. Крайнова на стоянках Сахтыш I, II, Па, VII и VIII в 1960—1990-е гг. Результаты работ представлены в серии публикаций [1—22]. Наиболее изученным является могильник Сахтыш Па, подвергавшийся раскопкам в 1987—1994 гг. и ставший эталонным для создания культурно-хронологической шкалы нео-энеолитических захоронений лесной зоны Восточной Европы [6—9]. Во многих погребениях этого могильника обнаружен инвентарь: в захоронениях волосовской культуры он представлен украшениями из янтаря, кости, камня и зубов животных, а в захоронениях льяловской культуры — преимущественно орудиями из кости. Всего на памятнике было обнаружено 15 льяловских захоронений [9, с. 39—40]. 11 из них являлись безынвентарными, остальные четыре сопровождалась немногочисленными, но достаточно эффектными изделиями. В женском погребении № 65 была обнаружена глиняная эмбрионовидная фигурка (под шейными позвонками), в захоронении № 61 женщины с младенцем при женском костяке были найдены костяные проколка (поверх правой плечевой кости), нож (с левой стороны черепа) и длинный стержень неясного назначения (выше черепа справа) [9, с. 106, рис. 103]. В мужском погребении № 40 параллельно левой плечевой кости, на некотором удалении от нее, найден короткий кочедык (рис. 1, а). Оригинальный набор орудий обнаружен в женской могиле № 22. На правой бедренной

© Костылёва Е. Л., Трейо Ж. (Treuillot J.), Уткин А. В., 2015

кости сзади, наискось, покоился широкий кинжал (рис. 1, *c*). Еще один кинжал находился с внешней стороны левой берцовой кости (рис. 1, *b*). Кроме того, у нижней части левой голени расчищено зубчатое острие (рис. 1, *d*). В засыпке захоронения у ног обнаружена подвеска из резца лося с нарезками для крепления.

Рис. 1. Могильник Сахтыш Па.
Костяные орудия из погребений № 40 (1) и № 22 (2-4) (фото Ж. Трейо)

Костяные вещи из погребений № 22 и 40, хранящиеся в археологическом музее ИвГУ, и стали предметом морфометрического и технологического

исследования¹. Подобная работа по погребальному инвентарю Сахтышских могильников была проведена впервые².

Погребение № 40 было обнаружено в 1990 г. на глубине 45—50 см от современной поверхности (рис. 2).

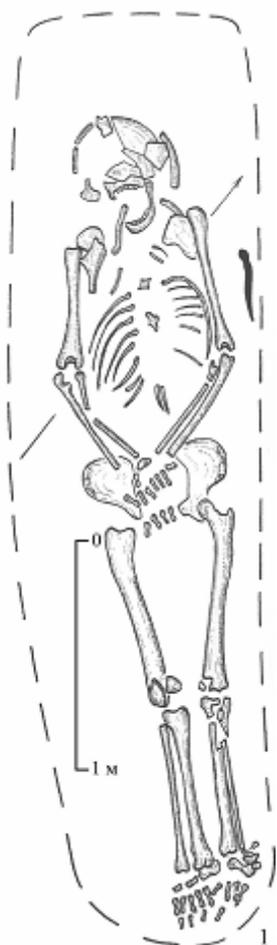

Рис. 2. Могильник Сахтыш Па.
Погребение № 40
(рис. Е. Л. Костылёвой)

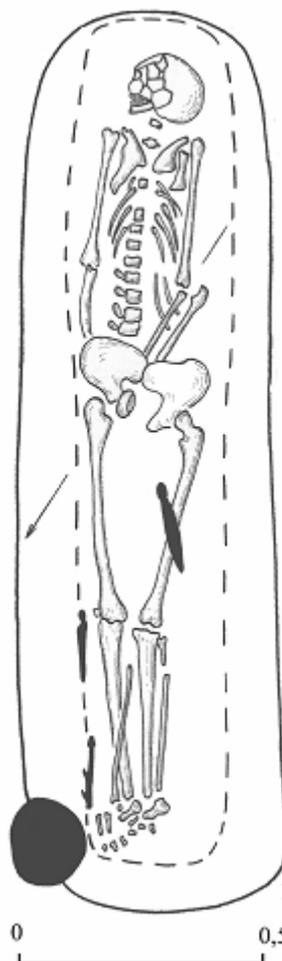

Рис. 3. Могильник Сахтыш Па.
Погребение № 22
(рис. Е. Л. Костылёвой)

Костяк принадлежал мужчине 50 лет [17, с. 136]. Захоронение было совершено в положении вытянуто на спине с ориентацией на северо-запад. Радиоуглеродная дата, полученная AMS-методом по костям погребения № 40 — $6406 \pm 24 \text{BP}$ (AAR-15050), скорее всего, является удрвненной вследствие резервуарного эффекта [22, с. 68].

¹ К сожалению, инвентарь из захоронения № 61, хранящийся в фондах Ивановского государственного историко-краеведческого музея, оказался недоступен для изучения.

² Исследование проведено Ж. Трейо (J. Treuillot). Перевод текста Ж. Трейо выполнен д-ром филол. наук. Е. А. Комаровой, за что авторы статьи выражают ей искреннюю признательность.

Орудие, обнаруженное в могиле, имело следующие параметры:

Максимальная длина — 157 мм

Максимальная ширина — 16 мм

Максимальная толщина — 9 мм

Ширина острия — 3 мм

Толщина острия — 1,5 мм.

Оно было сформировано на рудиментарном метаподии (*metapodial vestigial*) лося, сохранившем большую часть естественной морфологии кости, которая была лишь немного подработана. На рукояти довольно хорошо сохранились следы от держания, в частности шелушение поверхности кости. Сохранились и следы обработки орудия в диапазоне 88 мм от середины к острию. Это длинные регулярные полосы поверхностной глубины, ориентированные в продольном направлении. Они расположены параллельно друг другу, организованы в узкие полоски и однородны, что указывает на формирование инструмента с помощью продольного выскабливания.

Орудие, видимо, представляло собой заклепку для скрепления краев погребального покрова (шкуры?), в который был помещен умерший перед захоронением.

Погребение № 22 было обнаружено в 1989 г. в материке на глубине 57—70 см от современной поверхности (рис. 3).

Костяк принадлежал женщине 20—25 лет [17, с. 132]. Погребение было совершено в положении вытянуто на животе и ориентировано на юго-восток. Кости были сильно сжаты в результате тугого пеленания умершей. Эта особенность погребального обряда, связанная с тугим пеленанием трупа, отмечена еще у двух погребенных — № 16 (женский) и 43 (детский), находящихся в непосредственной близости от захоронения № 22 и совершенных примерно на той же глубине. Данное обстоятельство может быть хронологическим показателем: указанные захоронения были совершены в близком временном диапазоне, который может быть определен датой, полученной по костям захоронения № 16, — 6130±120 л. н. (ГИН-7492).

Наиболее эффектным орудием в этом погребении был изящный кинжал, располагавшийся ниже колена параллельно левой берцовой кости и представлявший собой «засапожный» нож.

Параметры «засапожного» ножа/кинжала:

Максимальная длина — 162 мм

Максимальная ширина — 21 мм

Максимальная толщина — 12 мм

Ширина острия — 4 мм

Толщина острия — 2 мм.

Кинжал был изготовлен из проксимальной части локтевой кости животного. Он узкий, клинок заточен с двух сторон по одному краю. Длина заточенной части 105 мм. По обоим краям, кроме того, сделаны неглубокие ритмичные пропилены V-образного профиля, идущие от рукояти к острию на длину примерно 70 мм (с «лицевой» стороны) и 30 мм (с противоположной стороны) (рис. 4, с). На самом острие на участке длиной около 40 мм пропилены отсутствуют.

Острие кинжала обработано скоблением: с обеих сторон лезвия по всей поверхности наблюдаются длинные, непрерывные, равномерные борозды. На конце острия борозды от скобления перекрываются полировкой, которая частично сглаживает борозды от обработки на участке длиной 20 мм.

Полировка на острие перекрыта с краев бороздами, расположенными в виде обруча. Ими также перекрываются борозды от скобления, являющиеся результатом изготовления изделия, что позволяет сделать вывод о том, что острие инструмента было переделано уже после его использования.

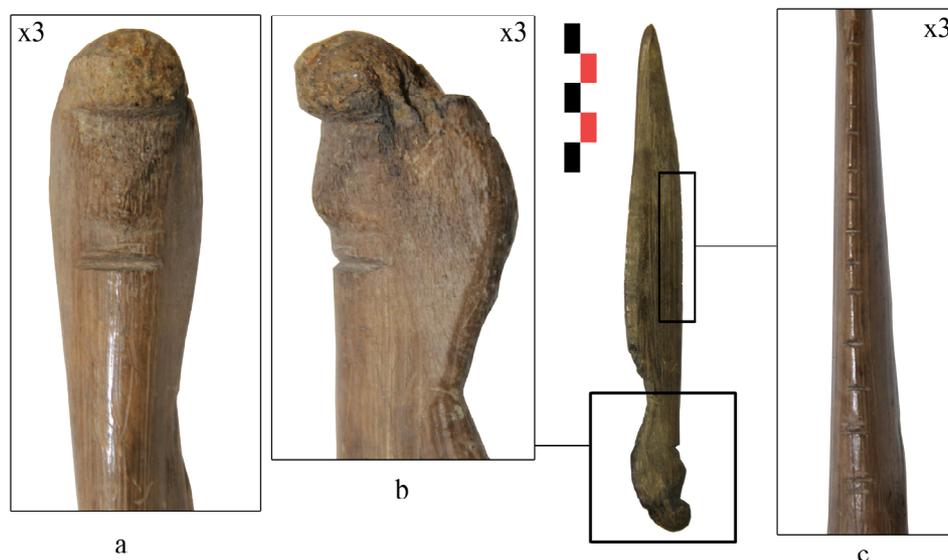

Рис. 4. Могильник Сахтыш Па. Погребение № 22 — «засапожный» нож с фигурной рукоятью: *a—b* — детали антропоморфного изображения на рукояти; *c* — пропилы и борозды от скобления на поверхности орудия (фото Ж. Трейо)

Рукоять завершается фигурным навершием, вырезанным из локтевого отростка и напоминающим изображение лица человека (рис. 4, *a, b*). При этом значительно изменена первоначальная морфология кости. Что касается техники создания лица на локтевой части, вопрос остается открытым, так как эта кость губчатая. Можно отметить лишь, что ротовая линия и линия, отделяющая низ головного убора, выполнены пропилом.

Второе орудие в погребении — широкий кинжал, располагавшийся сзади на правой бедренной кости, видимо, находился в специальных ножнах, подвешенных к поясу, и доставался правой рукой.

В поперечном разрезе он линзовидный, имеет два обоюдоостро заточенных лезвия, которые плавно переходят в короткую рукоять, завершающуюся грибовидным навершием.

Параметры широкого кинжала:
 Максимальная длина — 202 мм
 Максимальная ширина — 35 мм
 Максимальная толщина — 8 мм
 Ширина острия — 4 мм
 Толщина острия — 3 мм.

Кинжал изготовлен из расколотой вдоль трубчатой кости лося. На обеих сторонах изделия хорошо видны достаточно рельефные длинные вертикальные борозды (рис. 5, *a, c*). Иногда они перекрываются перпендикулярными зарубками (рис. 5, *d*), похожими на те, что описаны в трудах

по обработке костяных изделий скоблением в бронзовом веке [23]. Контекст находки не позволяет говорить о бронзовом веке, однако этот вопрос заслуживает отдельного обсуждения. На уровне рукоятки наблюдаются короткие, неглубокие борозды V-образного профиля, которые дополняют обработку лезвия. Эти борозды, очевидно, выполненные пропиливанием, возможно, сделаны для удобства сочленения, но это лишь предположение, так как инструмент не изучался с функциональной точки зрения.

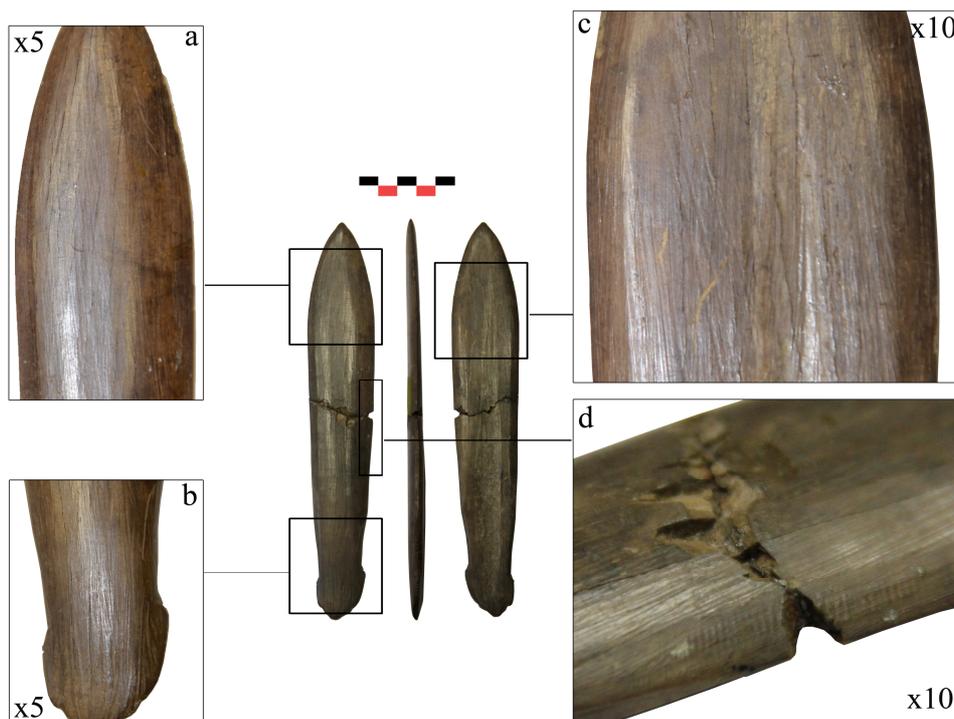

Рис. 5. Могильник Сахтыш II. Погребение № 22 — широкий кинжал:
a — борозды от скобления на внешней стороне кости, *b* — более глубокие борозды на уровне примыкания рукоятки, *c* — повреждение, перекрывающее следы обработки скоблением, *d* — перпендикулярные зарубки, перекрывающие следы обработки скоблением (фото Ж. Трейо)

На инструменте отчетливо видно, что лезвие затуплено и деформировано, поверхность, прилегающая к острию, скруглена. Эта деформация могла быть вызвана использованием инструмента. Интересен факт, что на этом участке орудия не обнаруживается никаких следов обработки, очевидно, они исчезли в результате изнашивания. Таким образом, этот инструмент использовался, прежде чем был положен в могилу.

Было бы интересно выполнить трасологический анализ, чтобы подтвердить это и понять природу вещей, принадлежащих женщине в могиле.

Третье орудие, найденное в могиле, — зубчатое острие (рис. 6). Оно, возможно, попало в могилу случайно из культурного слоя при засыпке

погребения или было впущено в яму позднее — после совершения захоронения. Положение его в могиле было несколько выше прочих предметов и имело небольшой наклон — сверху вниз. Оно отличается от упомянутых выше кинжалов по цвету и степени сохранности. Цвет кости, из которого острие сделано, светлый, в отличие от вышеописанных костяных орудий, имевших тёмно-коричневый цвет.

Параметры зубчатого острия:

Максимальная длина — 190 мм

Максимальная ширина — 21 мм

Максимальная толщина — 10 мм.

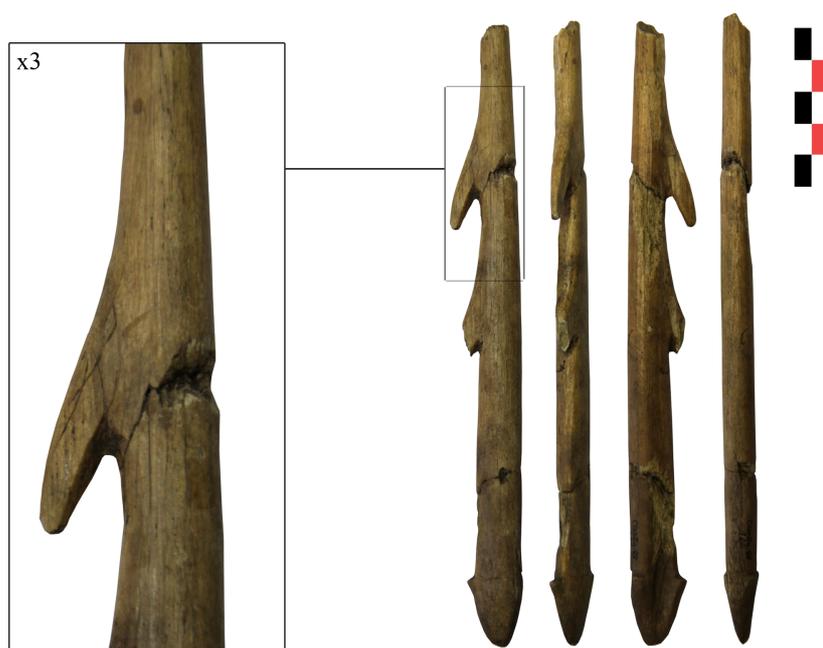

Рис. 6. Могильник Сахтыш Па. Погребение № 22. Костяное зубчатое острие. Деталь: зубец и борозды от скобления на уровне зубца и на верхушке предмета (фото Ж. Трейо)

Зубчатое острие имеет по одному краю два клювовидных зубца, расположенных под острым углом. Острие сделано из трубчатой кости крупного копытного животного. Размеры его позволяют предположить, что речь идет о пясти лося. Орудие не целое, острие и один зубец сломаны. Поверхность слома, неправильная и зернистая, показывает, что откалывание произошло, когда кость была уже сухой, очевидно, уже после положения орудия в могилу. Обнаружены и другие повреждения, частично раскрошена поверхность.

Несмотря на эти повреждения, на поверхности виден ряд длинных, тонких борозд, расположенных по окружности, с легким ограничением поверхности. Обработка покрывает всю поверхность, поэтому возможные следы распиловки основания не сохранились. Однако под внутренним углом зубцов видны сходящиеся борозды, расположенные с обеих сторон, которые могли быть связаны с вырезанием зубцов при помощи двойного противоположного

нарезания. Отметим также наличие коротких, узких борозд как на зубцах, так и на боковых частях орудия на уровне основания. Эти следы, которые перекрывают борозды от скобления, очевидно, появились на этапе отделки. Цель их нанесения неясна. Возможно, на уровне основания поверхностный поперечный надрез мог облегчить крепление веревки, но без углубленного изучения вопроса этого утверждать нельзя.

Итак, трубчатая кость была распилена, а затем обработана для изготовления орудия. Изготовление проходило в несколько этапов, но только последние из них могут быть идентифицированы. Изучение стратиграфии борозд позволяет утверждать, что выполнение зубцов при помощи нарезки предшествует окончательной обработке изделия при помощи скобления. Зубцы и основание вырезаны в последнюю очередь.

Подвеска из резца лося, обнаруженная при снятии погребения среди костей ног в нижней их части, имеет, как и кинжалы, тёмно-коричневый цвет. Трудно установить, связана ли она непосредственно с погребением или попала в могильную яму при её засыпке из культурного слоя, так как подобные украшения находят обычно в районе груди или пояса.

Подвеска имеет две противоположные борозды, предназначенные для крепления шнура, на внешней и внутренней сторонах зуба, на уровне первой трети от корня. Из-за частичного выкрошивания поверхности не удалось детально их изучить, но можно предположить, что эти борозды были выпилены в форме желобков.

Подобные подвески были широко распространены в мезолитических и неолитических культурах лесной зоны вплоть до III тыс. до н. э., когда широко распространяется вместо прорезывания борозд технология просверливания отверстий для крепления.

Таким образом, изучение костяных орудий из погребений льяловской культуры могильника Сахтыш Па, относящихся к IV тыс. до н. э., позволило установить, что при обработке кости наиболее широко использовался прием скобления, при оформлении отдельных деталей — прорезание, пропиливание и заточка. Приемы эти сложились еще в предшествующую эпоху и существовали на всем протяжении развития косторезного производства. При изготовлении орудий и украшений использовались кости и зубы лося.

Библиографический список

1. Ерофеева Е. Н., Крайнов Д. А. Стоянка и могильник Сахтыш VIII // Археологические открытия 1970 года. М. : Наука, 1971. С. 40.
2. Костылёва Е. Л. Результаты раскопок могильника на стоянке Сахтыш Па в 1987—1993 гг. // Ивановский государственный университет — региональный центр науки, культуры и образования : тезисы докладов. Иваново : Иван. гос. ун-т, 1994. С. 104—105.
3. Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Краткая характеристика антропологических типов эпохи первобытности на территории Ивановской области // Проблемы отечественной и зарубежной истории : тезисы докладов. Иваново : Иван. гос. ун-т, 1998. С. 55—57.
4. Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Археологическая периодизация Сахтышских крауниологических серий эпохи нео-энеолита // Вторые антропологические чтения памяти академика В. П. Алексеева : тезисы докладов. М., 1999. С. 48—49.
5. Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Волосовские погребения с янтарем могильника Сахтыш Па // Тверской археологический сборник. Тверь, 2000. Вып. 4, т. 1. С. 175—184.

6. *Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Погребальные комплексы эпохи первобытности на Сахтышском торфянике // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 4. С. 3—20.
7. *Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Хронология погребального обряда волосовской культуры на территории Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 1. С. 230—233.
8. *Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Основные принципы построения культурно-хронологической шкалы нео-энеолитических погребений лесной зоны Европейской части России : по материалам могильников Сахтыш II, IIА и VIII // Вопросы археологии и истории каменного века. Тверь, 2010. С. 155—165.
9. *Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья : планиграфические и хронологические структуры. М. : ТАУС. 2010. 300 с.
10. *Крайнов Д. А.* Стоянка и могильник Сахтыш VIII // Кавказ и Восточная Европа в древности. М. : Наука, 1973. С. 46—55.
11. *Крайнов Д. А., Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Погребения и ритуальные комплексы на стоянке Сахтыш IIА // Археологические вести. 1993. № 2. С. 20—30.
12. *Крайнов Д. А., Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Могильник и «святилище» на стоянке Сахтыш IIА // Российская археология. 1994. № 2. С. 118—130.
13. *Крайнов Д. А., Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Волосовская антропоморфная фигурка со стоянки Сахтыш IIА // Российская археология. 1994. № 3. С. 103—105.
14. *Крайнов Д. А., Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Исследование стоянки и могильника Сахтыш IIА // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола, 1994. С. 76—79.
15. *Крайнов Д. А., Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Раскопки стоянки и могильника Сахтыш IIА // Археологические открытия 1993 года. М. : Наука, 1994. С. 73—74.
16. *Крайнов Д. А., Уткин А. В.* Погребения на стоянке Сахтыш I // Краткие сообщения Института археологии. М. : Наука, 1991. Вып. 203. С. 73—78.
17. Неолит лесной полосы Восточной Европы : антропология Сахтышских стоянок / Т. И. Алексеева, Р. Я. Денисова, М. В. Козловская, Е. Л. Костылева, Д. А. Крайнов, Г. В. Лебединская, А. В. Уткин, В. Н. Федосова. М. : Научный мир, 1997. 191 с.
18. *Уткин А. В., Костылёва Е. Л.* Погребальные «святилища» волосовских могильников // Святилища : археология ритуала и вопросы семантики : материалы конференции. СПб., 2000. С. 48—51.
19. *Уткин А. В., Костылёва Е. Л.* Волосовские погребальные «святилища» Сахтышских стоянок // Каменный век европейских равнин : объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры. Сергиев Посад, 2001. С. 227—231.
20. *Уткин А. В., Костылёва Е. Л.* Погребальные «святилища» эпохи энеолита в лесах Восточной Европы // Тверской археологический сборник. Тверь, 2002. Вып. 5. С. 342—347.
21. *Kostyleva E., Outkin A., Ramseyer D.* Fiche masque sur bois d'elan // Objets meconnus : industrie de l'os prehistorique. Paris, 2001. Cah. 9. P. 85—89.
22. *Piezonka H., Kostyleva E., Zhilin M., Dobrovolskaya M., Terberger T.* Flesh or fish? First results of archaeometric research of prehistoric burials from Sakhtysh IIa, Upper Volga region, Russia // Documenta Praehistorica. Vol. XL. 2013. P. 57—73.
23. *Provenzano N.* Les industries en os et bois de cervidés des Terramares émiiliennes. Mémoire de doctorat. Université Aix-Marseille 2. 2001. 299 p.

Н. А. Осипова

**ВЛИЯНИЕ ПРОФСОЮЗНЫХ СТРУКТУР
НА ПОЛНОМОЧИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГУБЕРНСКИХ КАСС
СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ В 1921—1925 гг.
(По материалам Верхнего Поволжья)**

Статья посвящена вопросам развития и становления губернских касс социального страхования в 1921—1925 гг. в регионе Верхнего Поволжья. Раскрыты не только вехи функционирования соцстраха в период автономной обособленности, но и время тесного «сотрудничества» касс социального страхования с органами профаппарата.

Ключевые слова: профсоюзы, кассы социального страхования, Верхнее Поволжье.

This article is dedicated to the development and establishment of provincial offices of social insurance in 1921—1925 years in the Upper Volga region. The author discloses not only the functioning of the social insurance milestones during the autonomous isolation, but also a time of close «cooperation» of the Social Insurance authorities with trade unions ‘apparatchiks’.

Key words: Trade unions, Social Insurance, Upper Volga.

Губернские кассы социального страхования (далее — губстрахкасса, или губуправление) были организованы при губернском отделе труда на основании декрета СНК РСФСР о государственном страховании от 6 октября 1921 г. Он определил структуру соподчинения и подведомственности одних страховых органов другим. Так, согласно декрету, Центральное управление государственного страхования (далее — Цусстрах) действует под общим руководством Народного комиссариата финансов (НКФ). Непосредственное руководство делами и операциями возлагается на Правление в составе председателя и четырех членов, назначаемых Народным комиссаром финансов. Правление Цусстраха организует на местах страховые конторы (губуправления), подчиненные ему в административном, организационном и операционном отношениях. Для осуществления своих функций его аппарат имел следующую структуру:

- общий отдел, в который входили канцелярия и хозяйственная часть;
- финансовый отдел;
- организационно-инструкторский отдел;
- операционный отдел.

Финансирование губуправления осуществлялось исключительно на средства, отпускаемые Цусстрахом в сметном порядке, что же касается подчиняющихся губстрахкассе райстрахкасс, то их финансирование осуществлялось на основании твердых процентных отчислений с общей суммы страховых поступлений. Через свою подведомственную сеть Губернское управление ведало всеми вопросами организации социального страхования в губернии. В его функции входили:

- проведение всей операционной работы по всем видам соцстрахования;

- разработка и осуществление мероприятий по предупреждению заболеваний и увечий;
- исчисление норм пенсий и пособий;
- выявление лиц, подлежащих и не подлежащих социальным выплатам;
- ведение статистического учета по всем основным видам деятельности касс.

Казалось бы, какое отношение к структуре органов социального страхования и их деятельности имеют профсоюзы, которые не просто интересовались ходом текущих дел, но и, как мы увидим, активно вмешивались и контролировали последние. В декрете СНК РСФСР от 15 ноября 1921 г., изданном несколькими месяцами позднее со дня вышедшего декрета об организации страхового дела, можно проследить линию наделения профессиональных союзов полномочиями контролирующего органа: «Порядок взимания взносов на социальное страхование устанавливается по соглашению с НКФ и Всероссийским центральным советом профессиональных союзов (ВЦСПС). Страховые взносы уплачиваются в зависимости от количества занятых лиц и вредности предприятий, учреждений и хозяйств администрацией или владельцами последних без права обложения страхуемых. Тарифы взносов на социальное страхование издаются Народным комиссариатом финансов по соглашению с Всероссийским центральным советом профессиональных союзов (ВЦСПС)» [2]. На деле получалась ситуация, что на уровне высших органов — Наркомата финансов и ВЦСПС — главенствующая роль отводилась Наркомату, на местах же происходило все по-иному. Возложенная на ВЦСПС ответственность по порядку взимания денежных средств, определению размеров и тарифов естественным образом была перенесена на отраслевые профсоюзы, которым, в свою очередь, в этом плане были не просто подконтрольны, но и подведомственны органы социального страхования губернии.

Обсуждение вопроса о роли и задачах профессиональных союзов в области социального страхования вызвало большой интерес на пленарных заседаниях V Всероссийского съезда профсоюзов (17—22 сентября 1922 г.). После оглашения повестки дня председателем секции Ф. Я. Угаровым, занимавшим на тот период времени пост председателя Киевского губернского совета и заместителя председателя Южбюро ВЦСПС, участники перешли к обсуждению главного и волнующего всех вопроса — о роли профсоюзов в деле соцстраха. Открыл дискуссию Ю. Х. Лутовинов (представитель «Рабочей оппозиции»), который отметил: «Концентрация всего дела социального страхования в едином государственном органе, при руководстве и под контролем профсоюзов, наилучшим образом гарантирует успех в достижении намеченных целей. Поэтому всякие тенденции превратить социальное страхование в особую форму рабочего движения и создать организацию, независимую от государственных органов, совершенно недопустимы» [7, с. 465]. Его идею о неразрывности профсоюзов с органами соцстраха подхватили Мышкин и Рыско: «Профсоюзы должны являться руководителями страхования, и в этом отношении мы не можем ограничивать и указывать, в чем будет выражаться это руководство... Ввиду непосредственной заинтересованности страховых организаций и самих застрахованных в борьбе с прогулами, прикрываемыми симуляцией болезней, в определении размеров инвалидности, — в ведение профсоюзной организации должен быть передан весь контроль над последними» [7, с. 473].

В ходе обсуждений вопрос коснулся финансов страховых органов, которые, как считали участники съезда, должны быть под особым контролем со стороны профсоюза текстильщиков. На этот счет тов. Лутовинов заметил: «Профсоюзы должны внимательно следить за тем, чтобы установленные отчисления страховых взносов не тратились на другие цели, а шли на оказание помощи застрахованным» [7, с. 479].

Итогом долгих прений стала принятая по докладу Ю. Х. Лутовинова резолюция «О социальном страховании», в которой кроме всех вышеперечисленных суждений, положенных в ее основу, акцентировалось внимание на более четком выделении функций аппарата соцстраха. Среди обозначенных направлений были:

- борьба с прогулами, прикрываемыми симуляцией болезней;
- определение размера пенсий инвалидам труда и членам семейств застрахованных;
- назначение размера пособий, пенсий, выплат;
- расширение списка льгот по вопросам инвалидности, медицинской помощи, материнства;
- учет всех страховых взносов;
- введение учета распределения всех поступающих взносов;
- борьба с задолженностью.

Стоит отметить, что курса, обозначенного съездом, придерживались все органы страхования губерний региона. В отчете учетно-статистического отдела Иваново-Вознесенского губернского социального страхования за 1923 г. на этот счет отмечено: «...работа осуществляется по определенному съездом пути. За этот период производились следующие работы: 1) учет поступающих страховых платежей и определение задолженности; 2) учет обращений в кассы за пособиями и пенсиями; 3) учет расхода страховых сумм; 4) учет обеспечиваемых инвалидов труда, вдов, сирот и безработных; 5) учет заболеваемости застрахованных по разным категориям; 6) разработка составов инвалидов по губерниям, по группам их профессий, по причине инвалидности» [1, д. 8, л. 5]. Отчет Владимирского губернского отдела труда и управления социального страхования о работе с 1 сентября 1923 г. по 1 октября 1924 г., также был составлен на основе задач, заданных съездом: «Важнейшие из заданий, указанных съездом: централизация в губернском масштабе фондов инвалидности и безработицы; исчисление норм пенсий и пособий; назначение и определение размера пенсий инвалидам труда и членам семейств застрахованных; выявление лиц, подлежащих и не подлежащих социальным выплатам... Вот те основные задачи, следуя которым органы социального страхования Владимирской губернии ведут свою работу» [3, с. 51].

Одним из наиболее актуальных направлений в ведении губуправления был учет застрахованных по разным категориям (по роду болезней, профессии, полу). В отчете учетно-статистического производственного отдела Иваново-Вознесенского Губуправления социального страхования за 1923 г. было отмечено, что «за 2-е полугодие 1923 года учетно-статистический отдел продолжал свою работу по намеченному плану. За этот период производились работы по учету застрахованных по роду болезни и по полу... Кроме этого статистическим отделом ведется точный учет движения всех застрахованных: на 1 июля 1922 года — общее количество застрахованных достигло 69 374, на 1 января — 92 024, на 1 июля 1923 года — 96 687 человек» [1, д. 8, л. 5] Учитывая, что общее количество населения на 1923 г.

по губернии насчитывалось 782 257 человек, соответственно, уровень застрахованных составлял всего лишь 12,3 %.

Подробный учет застрахованных велся и в других губерниях Верхнего Поволжья. Так, во Владимирской губернии «к 1 сентября 1923 года вся работа по учету страхователей была сосредоточена в руках Губсоцстраха. В статистическом виде была обработана вся информация по общему количеству страхователей и застрахованных, в том числе по их категориям. По имеющимся 20 райстрахкассам насчитывается 2970 страхователей и 88590 застрахованных, что составляет от общего числа населения не более 20 %» [7, с. 58].

Еще одна функция, которой был наделен Губсоцстрах, — это созыв совещаний и съездов районных страховых касс. Однако эта сфера была полностью подконтрольной со стороны профорганизаций. Все собрания проходили в тесной связи с союзами. На этот счет в резолюции, принятой на VI губернском съезде профсоюзов Ярославской губернии в 1923 г. по докладу о социальном страховании, было сказано: «Во всех страховых конференциях союзам необходимо принять активное участие. Все наиболее крупные мероприятия социального страхового управления и страхкасы должны предварительно обсуждаться с союзами. Подобная мера способствует лишь установлению наиболее прочной связи страховых касс с профорганизациями и является не чем иным, как средством для поднятия страхового дела на должную высоту» [6, с. 21].

О весомой роли профсоюзов на страховых совещаниях можно было судить даже по принятым решениям. На плановом совещании органов соцстраха, проходившем в 1923 г. по Иваново-Вознесенской губернии, присутствовавшие в обязательном порядке профсоюзы констатировали следующее: «В связи с общим сокращением штатов и недостаточностью средств на организационные расходы страховых органов, некоторые страховые кассы будут ликвидированы» [4, с. 59]. Так, уже на 1 апреля 1924 г. в Иваново-Вознесенской губернии действовали 12 страховых касс и 4 выплатных пункта [4, с. 58] (в 1923 г. действовало 14 страховых касс) [1, д. 8, л. 5]. Стоит также отметить, что на этом совещании был определен порядок назначения и определения размеров пособий. В отчете профессиональных союзов Иваново-Вознесенской губернии за 1923/1924 гг. было определено, что «назначение пособий, как и определение размеров на каждый месяц, должно в обязательном порядке производиться при участии профсоюзов. Особенно работа должна ложиться на плечи профсоюзов в деле назначения пособий...» [4, с. 58].

Активное участие профсоюзы принимали и в проведении кампании по перевыборам. С этой целью они разработали план и выделили большинство своих докладчиков на общие и делегатские собрания по предприятиям и учреждениям. В отчете профсоюзов Иваново-Вознесенской губернии за 1923/1924 гг. оглашался факт, что «все комитеты страховых касс при этой кампании были сконструированы при участии профсоюзов и в них были введены работники как от членов союзов, так и от губернских и уездных отделений союзов» [4, с. 68].

Подобные явления со стороны союзов можно было наблюдать и в других губерниях. В Костромской губернии за отчетный период (1923/1924 гг.) работа страховых органов протекала исключительно в самом тесном «сотрудничестве» с профсоюзами. Это стало возможно благодаря связи Губпрофсовета с Губсоцстрахом и комитетом Костромской общегородской

и уездной кассы социального страхования. В отчете Костромского Губпрофсовета к VI губернскому съезду профсоюзов за 1923/1924 гг. отмечалось: «Таковой контакт приводил к следующему положению: 1) все наиболее важные мероприятия страховых органов, касающиеся с той или с другой стороны положения рабочих — нормы пособий, пенсий, медицинская помощь и пр., строго согласовывались с Губпрофсоветом; 2) инициативные начинания союзов, поддержанные Губпрофсоветом, проводились страховыми органами без возражений; 3) профсоюзами всемерно поддерживалась и полностью была контролируема борьба страховых органов с несвоевременной уплатой страховых взносов, с уклонениями нанимателей от страхования своей наемной силы и с вредными явлениями неправильного пользования некоторыми рабочими правами, данными им законом о социальном страховании; 4) проведение и назначение собраний в обязательном порядке согласовывались с профсоюзами» [5, с. 56].

В свою очередь, у представителей касс соцстраха подобное излишнее внимание за организацией проведения собраний вызывало критику. В годовом отчете о работе страховых органов Владимирской губернии за 1923/1924 гг. они высказались следующим образом: «Связь профсоюзов с кассами страхования имеет место быть лишь на бумаге, в реальности — картина печальная: на совместных съездах сплошные директивы со стороны профорганов, обязательное согласование темы для обсуждения с ГСПС и никакой осведомленности о том, что будет происходить на ближайшем собрании» [3, с. 56]. Подобная ситуация складывалась и в Иваново-Вознесенской губернии, где в 1923/1924 гг. мы наблюдаем рост активности профсоюзов в работе страховых касс: «Если раньше связь профсоюзов со страховыми кассами осуществлялась только при перевыборах Комитетов страховых касс, то в указанные годы вся работа проходила при большем участии союзов в деле социального страхования» [4, с. 58]. В протоколах заседаний комитета Иваново-Вознесенской кассы социального страхования за 1923 г. т. Никологорский, председатель Кохомской страховой кассы, подчеркнул: «Профсоюзам необходимо шире сотрудничать с кассами соцстрахования для более успешного развития дела здравоохранения и социального обеспечения трудящихся. В свою очередь, профсоюзам необходимо сменить политику жесткого, пошагового контроля над страховыми кассами» [1, д. 16, л. 17 об.].

На совместных совещаниях и конференциях представители профсоюзов и вовсе не давали представителям касс высказывать свою позицию, полностью контролируя темы для обсуждения. Председатели других местных райстрахкасс по этому поводу высказывали и такую точку зрения: «Складывается впечатление, что профсоюзы, не давая кассам на конференции и слова о состоянии медпомощи, замещая при этом повестку дня иными вопросами, попросту замалчивали имеющиеся насущные проблемы» [1, д. 16, л. 17 об.].

Заметим, что подконтрольность страховых касс выражалась не только в том, что профсоюзы возглавили проведение собраний и выдвижение тем на повестку дня, организацию перевыборных кампаний, но и, самое главное, держали в полном контроле финансовые вопросы. Однако нельзя и не встать на сторону профсоюзов. Определенное давление и нажим в этих вопросах были вполне обоснованы. Перечисление денежных средств осуществлялось рабочими, взятыми под «опеку» профсоюзами, поэтому неудивительно, что профсоюз был заинтересован в том, как расходуются и куда идут эти средства.

Библиографический список

1. Государственный архив Ивановской области. Ф. Р. 1115. Оп. 1. Д. 8. Л. 5 ; Д. 16. Л. 17 об.
2. О социальном страховании лиц, занятых наемным трудом : декрет СНК РСФСР от 15.11.1921. URL: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=2045> (дата обращения: 30.11.2014).
3. Отчет Владимирского губернского отдела труда и управления социального страхования о работе с 1-го сентября 1923 г. по 1-е октября 1924 г. к 7-му губернскому съезду профсоюзов. Владимир, 1924. 82 с.
4. Профессиональные союзы Иваново-Вознесенской губернии за 1923—1924 гг. Иваново-Вознесенск, 1924. 127 с.
5. Профессиональные союзы Костромской губернии, 1923—1924 гг. : отчет Костромского губпрофсовета к 6-му губсъезду профсоюзов. Кострома, 1924. 96 с.
6. Резолюции VI губсъезда профессиональных союзов Ярославской губернии (25—28 мая 1923 г.). Ярославль, 1923. 40 с.
7. Стенографический отчет V Всероссийского съезда профсоюзов 17—22 сентября 1922 года. М., 1922. 637 с.

ББК 63.3(2)631

*К. А. Юдин***РЕОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА СССР И МЕТОДЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ НАД РЕГИОНАЛЬНОЙ НОМЕНКЛАТУРОЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х — НАЧАЛЕ 1950-х гг.**

Статья посвящена взаимоотношениям центральной и региональной власти в послевоенный период. Предпринимается попытка проанализировать ход реорганизации партийно-государственного аппарата, а также оценить влияние институциональных изменений на эффективность надзора за партийными работниками. С этой целью рассматриваются как конкретные эпизоды, связанные с «репрессивными атаками» на номенклатурный корпус, так и некоторые теоретические аспекты политического контроля в СССР.

Ключевые слова: политический контроль, номенклатура, партийно-государственный аппарат, коммунистическая идеология, тоталитаризм, репрессии.

This article is devoted to the relationship of the central and regional authorities in the postwar period. The author has attempted to analyze the course of the reorganization of the party-state apparatus, as well as assess the impact of institutional changes on the effectiveness of supervision over the party workers. To this end, the article describes, how specific episodes related to «repressive attacks» on nomenclature hull and some theoretical aspects of political control in the USSR.

Key words: political control, the nomenclature, the party-state apparatus, the communist ideology, totalitarianism, repression.

На протяжении всей истории СССР партийно-государственный аппарат во всем комплексе его институциональных звеньев выступал главным инструментом-проводником идеологической стратегии, определяемой политическим

© Юдин К. А., 2015

руководством страны. Необходимость эффективного управления, оперативной реализации партийных директив требовала постоянного мониторинга структурно-функционального облика центральных и региональных органов власти, контроля за их кадровыми, материально-техническими ресурсами, но главным образом за идейным потенциалом, выступавшим в особом советском военизированно-мобилизационном социокультурном пространстве ведущим фактором, обеспечивающим почти фанатичную исполнительную активность, о чем свидетельствовали хроники репрессивных кампаний 1930-х гг.

Вместе с тем жизнеспособность, долгосрочное существование любой политической системы зависит от степени интенсивности и регулярности воспроизводства образующих ее информационно-коммуникативных, административных каналов, а также своевременного отражения как реальных, так и потенциальных угроз цельности созданного континуума. Настоятельная потребность в идейно-политическом, организационном стимулировании партийно-государственного аппарата возникла в послевоенные годы. Победа в Великой Отечественной войне воспринималась И. В. Сталиным не только как геополитическое достижение, но и как экстремальный период, выведший из строя привычную систему функционирования партийных и советских учреждений, а также дестабилизировавший с таким трудом насаждаемую моноличность мировоззрения советских граждан. Освободительная миссия Советской армии и общественно-политический резонанс вокруг этих процессов, проникновение сведений об уровне жизни Западной Европы и сам колоссальный результат военных действий вызвали у широких слоев населения надежду на хотя бы частичное смягчение режима. Кроме того, в 1941—1945 гг. центральная и региональная номенклатура получила возможность проявления хозяйственно-политической инициативы, закреплявшейся как вследствие «политической целесообразности» — в ходе практик *делегирования полномочий*, так и по общесистемным причинам: снижение приема в партию и соответственно сокращение кадрового состава парторганизаций приводили к укреплению социального статуса уже сформированного корпуса. В определенной степени повлияло и отсутствие верховных руководящих внутрипартийных ориентиров: в военный период не было проведено практически ни одного пленума ЦК ВКП(б), не говоря уже о съездах партии. Конечно, ни о какой «либерализации» не может быть и речи, тем не менее эта обстановка объективно создала предпосылки для корпоративно-олигархической консолидации региональной номенклатуры, начинавшей привыкать к некоторой доле самостоятельности. Как верно заметила О. Н. Калинина, «попав в “номенклатурную обойму”, работник мог достаточно долго продержаться в системе внутрикорпоративных патрон-клиентских связей» [4, с. 67]. В 1946 г. высказывание заведующего сектором партийных кадров Томского обкома Бабанова подтвердило наличие синдрома «самоуспокоенности» (по терминологии тех лет): «Многие считают, что раз сняли с одной организации, все равно куда-нибудь пошлют. Развалил дело там, сюда пришел, снимут, а еще большую работу дадут... Многие перестали бояться этого факта, что его снимут с работы» (цит. по: [там же]).

Все это вызывало неприятие и нарастающее раздражение Сталина, расценившего подобные вольности даже среди уже нового поколения, пережившего «чистки» партработников, как признаки оппозиционного поведения, требовавшего немедленного подавления с помощью жестких дисциплинирующих мер. С одной стороны, они приняли вид внезапных

контрольно-репрессивных интервенций адресно-персонального масштаба, распространившихся не только на «рядовых» секретарей обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий, но и на ближайших соратников Сталина — Молотова, Микояна, Маленкова, Берию; с другой стороны, был взят курс на целенаправленное «укрошение» партийной номенклатуры, парализацию избыточной и уже неуместной в послевоенных условиях «местнической» инициативы с помощью многочисленных аппаратных реорганизаций и смены административных схем. В марте 1946 г. было воссоздано Министерство государственного контроля во главе с Л. З. Мехлисом. 2 августа этого же года вышло постановление Политбюро «О функциях Оргбюро и Секретариата и реорганизации аппарата ЦК ВКП(б)», в котором контроль над региональными партийными организациями признавался ведущим направлением деятельности этих структур в силу сложившейся неблагоприятной ситуации — ослабления партработы, что выражалось в «одностороннем увлечении хозяйственными вопросами в ущерб партийным» [7, с. 35—36], а также хроническом нарушении механизмов и процедур функционирования партаппарата — неправомерности принятия решений ввиду отсутствия кворума, «зажиме самокритики» и игнорировании регулярной отчетности [10, с. 16—17].

Организационно-инструкторский отдел ЦК ВКП(б) по причине утраты должной квалификации по контролю был расформирован и преобразован в Управление по проверке партийных органов при ЦК ВКП(б), которому вменялось в обязанность сформировать штат специальных инспекторов с полномочиями дивизионных «комиссаров-следователей», призванных осуществить информационно-политическое сближение центра с региональными организациями, а именно: следить за регулярной посылкой партийно-политических материалов, местной периодической печати, корреспонденции и иной отчетности, стекавшейся в отдел партийной информации Управления, наделенного правами в случае нарушения дисциплины вызывать секретарей региональных парторганизаций [10, с. 18]. С марта 1947 г. для крупнейших административно-территориальных единиц — союзных республик, а также комплексов-групп регионов РСФСР, связанных между собой экономически, назначались персональные инспекторы [10, с. 22], а по наиболее отдаленным территориям были сформированы бюро ЦК ВКП(б): Среднеазиатское, Закавказское и Дальневосточное [8, д. 1074, л. 14], выборочно туда направлялись уполномоченные ЦК. Кроме того, постоянные инспекторы ЦК ВКП(б) были закреплены за районами областей центра (Московская, Тульская, Ярославская, Костромская, Ивановская, Горьковская, Владимирская, Калининская, Калужская, Смоленская и Рязанская области), за районом «областей черноземной полосы», Северного Кавказа и Крыма и т. д. [10, с. 23]. Возникновение новых контрольных институтов сопровождалось попытками рационализировать управление путем ликвидации учреждений-дублеров. Так, уже в апреле 1947 г. было признано нецелесообразным продолжение деятельности уполномоченных Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б). На это обстоятельство обратил внимание фактический руководитель КПК М. Ф. Шкирятов, что нашло поддержку в Политбюро, пришедшее к компромиссному решению: сохранить лишь одну «фракцию» КПК — партколлегии при обкомах, крайкомах и ЦК компартий союзных республик, которые должны были продолжать раз в три месяца направлять информационные записки «по отдельным вопросам из жизни парторганизаций, заслуживающим

внимания ЦК» [8, д. 1076, л. 20] и тем самым выполнять дополнительную сигнализаторскую роль.

Очередной трансформации подверглась сама система партийной власти по всей иерархической вертикали, что предписывалось постановлениями Политбюро от 10 июля, 25 октября 1948 г. и 4 января 1949 г., согласно которым для более тщательной организации *проверки исполнения* вместо ранее существующих управлений создавались отделы. В частности, Управление по проверке партийных органов было реорганизовано в отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов во главе с Б. Н. Черноусовым [7, с. 60—61]. Наконец, одним из последних заметных штрихов в картине институциональных преобразований при жизни Сталина стало постановление бюро Президиума ЦК КПСС «Об улучшении работы отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС» от 26 января 1953 г., которое объявило новую войну «обезличиванию» государственного аппарата, проявлениям «беспечности и ротозейству, парадному благополучию и упоению успехами» [10, с. 48], войну, аналогичную той, которая была предпринята в середине 1930-х гг.

Таким образом, сталинскому руководству удалось достигнуть интенсификации информационного обмена с регионами и с помощью осведомленности о состоянии дел на местах продолжить излюбленную стратегию управления, основанную на идейно-политических антиномиях — синхронном сочетании «шоковой терапии» с поворотами к рациональной стабилизации. В пользу этого свидетельствует параллелизм противоположных направлений, когда крупные «дела», связанные с политическими разоблачениями, протекали на фоне курса на материальное обеспечение и консервацию номенклатурного статуса партийных работников. Так, 7 мая 1946 г. Секретариат ЦК ВКП(б) поручил комиссии в составе А. А. Кузнецова, М. Ф. Шкирятова, Е. Е. Андреева, А. В. Власова и Д. В. Крупина подготовить и внести на рассмотрение ЦК предложения об улучшении материального положения партработников. В разработанном комиссией проекте, представленном через неделю, фигурировали значительные индексации: повышение заработной платы центральным и региональным работникам на 50 %, а также увеличение продовольственных лимитов инструкторскому составу с 250 до 300 руб. в месяц и лимитов на промтоварные продукты с 1000 до 1500 руб. ежеквартально [10, с. 151]. Предполагались значительные льготы и приоритеты, связанные с жилищным, культурным, медицинским и иным обслуживанием. О реализации этой программы свидетельствуют следующие документы. В декабре 1947 г. в связи с отменой карточной системы материальное благосостояние региональной номенклатуры не только не пострадало, но и значительно возросло. Упразднение «бесплатной выдачи продовольствия» было достойно компенсировано: по областям РСФСР ассигнования для обеспечения партийной номенклатуры по плану возрастали с 75 до 375—450 млн руб. в год [10, с. 153]. В частности, в докладной записке управляющего делами ЦК ВКП(б) Д. В. Крупина говорилось, что установленное денежное довольствие руководящим работникам в областях потребует увеличения ассигнований на 1948 г. по сравнению с 1947 г. в 5—6 раз [10, с. 155].

В то же время параллельно началось ужесточение преследований за «самоснабжение» и неправомерное премирование партийных организаций со стороны хозяйственных структур. Это расценивалось как антипартийное нарушение (попытка подкупа), которое «приводит к отношениям семейственности и связывает парторганизации в критике недостатков в работе

хозяйственных организаций, в силу чего руководящие партийные работники теряют свое лицо и становятся игрушкой в руках ведомств в ущерб интересам государства» [8, д. 1059, л. 95]. В действительности запрет на премирование коснулся не только взаимоотношений между партийно-советскими учреждениями, он действовал как принципиальный императив и во внутривнутрипартийном институциональном спектре. В соответствии со специальным постановлением Секретариата ЦК ВКП(б) в сентябре 1946 г. были отменены решения Запорожского, Винницкого и Львовского обкомов партии Украины о премировании партийных работников за выполнение государственного займа [10, с. 158—159], решения Карагандинского обкома Казахстана о снабжении партийных и советских работников за счет фондов комбината «Карагандауголь» [10, с. 160]. Причем нужно отметить, что в некоторых случаях претензии центрального руководства являлись небезосновательными. Так, было вскрыто, что Алтайский крайисполком и крайком ВКП(б) установили для девяти руководящих краевых работников неограниченную выдачу промышленных товаров, в результате только за 1945 г. и девять месяцев 1946 г. четыре «номенклатурных работника», используя служебное положение, сделали заказ на изготовление одежды и обуви на сумму 105 565 руб. [10, с. 161].

Параллельно с кампанией по борьбе с «самоснабжением» наблюдалось нарастание критики «массово-политической» работы региональных парторганизаций. Первыми объектами пристального внимания со стороны центра стали партийные организации Армении, Украины, а также Смоленский обком ВКП(б), которые подверглись детальному, сверхпедантичному обследованию на предмет выполнения стандартных и рутинных организационно-политических процедур, что свидетельствовало о целенаправленном свертывании «неформальных» отдушин. Так, в апреле 1947 г. Смоленский обком упрекали за общее ослабление партийной вертикали власти, нарушение связи с районными организациями, за «кадровую чехарду» и отсутствие должной заботы о «выращивании» квалифицированных работников, в низкой интенсивности директивной работы (обком выносил мало постановлений и не контролировал их выполнение) [10, с. 56—60]. Аналогичные претензии предъявлялись к партийным работникам Армении, многие из которых, как утверждалось в записке Управления кадров ЦК ВКП(б), составленной А. Ларионовым, могут быть охарактеризованы как «не справляющиеся» и не знающие состояния дел либо подверженные «измельчению и растворению». Так, секретарь Мегринского райкома т. Казарян, находившийся на этой должности 10 лет, «в результате бесконтрольности превратился в обывателя, подобрал себе послушный аппарат районных организаций из своих родственников и односельчан, силами работников районных учреждений и колхозов построил себе двухэтажный дом, занялся спекуляцией скотом...» [10, с. 74].

Особый акцент был сделан на «нездоровой атмосфере» отсутствия «партийной принципиальности», необходимой для преодоления внутренней конфронтации (склок) между ведомствами и их представителями, а также изжития «националистических уклонов». Критика адресовалась и партийной организации УССР. Однако последнее направление «проработки» вновь приняло вид не столько серьезных претензий, сколько инспирированной игры двух «линий» в стиле неустойчивого блуждания, лавирования для достижения равномерной дистанции как от чрезмерного выделения этнической специфики, так и от «русификаторской политики», что должно было привести к некоей абстрактной интернациональной солидарности. Об этом красноречиво

свидетельствуют два эпизода. Первый связан с реакцией на позицию А. А. Жданова, изложенную в тексте, оформленном как фрагмент выступления на заседании Секретариата ЦК ВКП(б) по вопросу Кабардинского обкома партии, состоявшемся 25 февраля 1948 г. Жданов заявил об излишних «уступках русским» и проявлении «русского национализма». На основании этой информации было принято постановление Секретариата ЦК, в котором признавалось, что «в работе Кабардинского обкома ВКП(б) и секретаря обкома т. Мазина имеются крупные недостатки и ошибки, вытекающие из извращений национальной политики партии и игнорирования работы по созданию и выдвижению национальных кадров» [10, с. 112—113]. Второй эпизод связан с конфликтом между министром государственного контроля Л. З. Мехлисом и секретарем компартии Азербайджанской ССР М. Д. Багировым, который закончился не в пользу первого: ревизия финансово-хозяйственной деятельности, проведенная министерством, частично была аннулирована. Как говорилось в постановлении Политбюро от 30 июля 1948 г., «министр Госконтроля СССР т. Мехлис без всякой нужды к тому придал ревизии большой размах»: «Ревизия носила тенденциозный характер. Работники Госконтроля, производившие ревизию, и прежде всего зам. министра Госконтроля СССР т. Емельянов, руководивший ревизией, преднамеренно выражали недоверие руководителям ЦК КП(б) Азербайджана ССР и вели себя по отношению к ним, как к подсудным лицам...» [8, д. 1072, л. 80—83].

Весь этот политический спектакль был срежиссирован Сталиным, не отказывавшим себе в удовольствии целенаправленного столкновения разных ведомств, уровней партийной власти и их представителей с инсценировкой псевдолиберального отношения к «жертвам пристрастия центра». В данном случае действующими лицами в спектакле стали одиозный исполнитель-карьерист Л. З. Мехлис, очевидно специально подвергнутый критике, которая преследовала цель охладить избыточный «разрушительный потенциал» и изощренно уязвить психологически с помощью демонстративного признания приоритета в конъюнктурной «истинности» влиятельного азербайджанского руководителя, и М. Д. Багиров, при этом совершенно не нуждавшийся в подкреплении авторитета: он являлся одним из самых могущественных региональных лидеров и занимал свой пост секретаря ЦК компартии бессменно с 1933 г. [1, с. 757].

Так или иначе, но именно «фактор Сталина», его импульсивная психополитическая реактивность, усугубляемая повышенной мнительностью, болезненно-патологическим припоминанием просчетов тех сегментов созданной им самим системы, которые воспринимались как наименее «политически благонадежные», привели к череде репрессивных атак против регионов РСФСР и смежных с ними административно-территориальных единиц. Так, в январе 1947 г. были сняты с должностей секретари Владимирского и Ивановского обкомов Г. Н. Пальцев и Г. М. Капранов, которые были заменены П. Н. Алферовым и В. В. Лукьяновым соответственно. «Секретарь Владимирского обкома т. Пальцев Г. Н., — говорилось в постановлении ЦК, — подменив партийную принципиальность в работе приятельскими отношениями с бывшим секретарем этого же обкома Жигаловым, сложившимися на почве попойек, не разоблачил последнего как врага народа, хотя имел для этого достаточно фактов. Более того, сам т. Пальцев оказался политически гнилым, а в бытовом отношении — морально распустившимся человеком» [10, с. 169].

Непростая ситуация сложилась в Рязанской области в 1948—1949 гг., отразив многомерность конфронтации в системе «центр — регион». Напряженное противостояние наблюдалось между «этатистскими» требованиями, выдвигаемыми «сталинской группой» по принципу «все для государства любой ценой», и стремлением региональной номенклатуры выработать хотя бы минимальный хозяйственный и административный иммунитет, смягчить экстремальное давление, приводившее к особенно тяжелым последствиям в условиях послевоенного продовольственного кризиса, сопровождающегося сокращением расходования хлеба по всей европейской части СССР. Об этом докладывал министр заготовок СССР Б. А. Двинский Сталину в сентябре 1946 г. После его «сигнала» было принято постановление Политбюро об усилении темпов хлебозаготовок [7, с. 222—223]. Все это сопровождалось жестким пресечением всякой «частнособственнической» инициативы, разоблачением «околоколхозного» населения, рассматривавшегося как вражеский, антигосударственный сектор экономики. Партийным организациям на показательном примере Новосибирского обкома предписывалось мобилизовать и интенсифицировать внутрирегиональный информационный обмен с помощью регулярной телефонной связи районных комитетов партии с вышестоящим по иерархии руководством [7, с. 227].

В апреле 1948 г. вышло постановление Оргбюро «О руководстве Рязанского обкома ВКП(б)», на основании которого первый секретарь А. И. Марфин был освобожден от занимаемой должности за «грубые ошибки и извращения линии партии в колхозном строительстве»: «Обком проглядел, что... колхозники многих сельскохозяйственных артелей в ущерб общественному колхозному производству стали на путь непомерного раздувания своего личного хозяйства и других неартельных источников дохода... Обком, облизполком, а также районные партийные органы проявляют недопустимый либерализм к рваческим, спекулятивным элементам...» [10, с. 170—171]. Обкому вменялось в обязанность в кратчайшие сроки вернуться к «нормальным колхозным порядкам», разработав меры по ограничению приусадебного хозяйства колхозников, а также нейтрализовать «паразитический элемент, проживающий на селе» [10, с. 172]. Однако через год «рязанское дело» возобновилось. Уже новое руководство региона во главе с преемником А. И. Марфина А. Н. Ларионовым продемонстрировало тяготение к «самодостаточности», достигаемой торможением информационной реактивности. Подобная «доктрина сдерживания» и была обнаружена в результате проявления политической бдительности сотрудником системы ведомств внутрипартийного контроля — инструктором отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) В. Липатниковым. В специальной записке от 10 июня 1949 г., адресованной Г. М. Маленкову, Липатников писал: «Первый секретарь Рязанского обкома ВКП(б) Ларионов находит в некоторых случаях излишним своевременно и полностью посылать в ЦК ВКП(б) необходимые документы и материалы на лиц, представляемых обкомом партии на утверждение ЦК ВКП(б). Мои указания заведующему отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Рязанского обкома партии о соответствующем оформлении присылаемых в ЦК ВКП(б) материалов, т. Ларионов расценивает как бюрократические придирки, которые мешают ему работать...» Попытка игнорировать Ларионов, как далее сообщает Липатников, и процедуру вызова работников в ЦК ВКП(б), а также проявлял импульсивную нетерпимость к вмешательству в процесс принятия решений на местах.

В частности, на попытку Липатникова объяснить Ларионову необходимость устранения ошибочной практики совместных заседаний бюро горкома партии и горисполкома, а также прокомментировать функции «оперативных штабов», созданных по линии горкомов для благоустройства города, последний отреагировал следующим образом: «Ларионов высокомерно заявил, что никаких решений горкома о создании оперативных штабов он не знает и говорить об этом не может. Когда же ему было сказано, что одно из этих решений было подписано им лично, он с горячностью, достойной лучшего применения, обрушился на меня, заявив, что вместо помощи новому руководству горкома и обкома партии Вы только придираетесь, *связываете инициативу*, не видите, что делается в Москве и т. д. и т. п.» [10, с. 123—124].

Следующим эпизодом усиления контроля за региональной властью является «ульяновское дело», также прошедшее в два этапа, но с большей хронологической дистанцией — 1949 и 1952 гг. 25 февраля 1949 г. было принято постановление Политбюро «О фактах разложения руководящих работников в Ульяновской областной парторганизации», на основании которого ее первый секретарь И. Н. Терентьев, третий секретарь С. С. Артамонов как члены «антисоветской вредительской группы», занимавшейся расхищением хлебопродуктов и спирта, «клянувшись на спиртовую приманку троцкистского последыша Суханова (управляющий спиртотрестом. — *К. Ю.*)» [10, с. 199], были сняты с работы и исключены из партии, а начальник управления МВД Г. А. Граков освобожден от должности как не справившийся с работой [10, с. 207]. Весь остальной аппарат обкома и облисполкома подвергнут тщательной проверке, порученной Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). На КПК, как в 1930-е гг., возлагалась ответственная миссия внутривнутрипартийной «чистки», призванной ликвидировать создавшуюся обстановку «круговой поруки, беспринципности и группового сговора», а также содействовать органам МГБ в искоренении «беспечности, ротозейства и притупления большевистской бдительности» со стороны обкома, допустившего «засоренность» всей области и ее партийно-советских структур агентами англо-американской разведки, связанными с подпольной диверсионной организацией «Союз освобождения России» и «церковно-сектанскими элементами» [10, с. 197—198, 202]. Судя по всему, «ульяновское дело» стало составным компонентом, дополнительным звеном в процессе предъявления обвинений руководителям центральных ведомств — Министерства пищевой промышленности и Главного управления спиртовой промышленности, которые были привлечены к судам чести — «дисциплинарным трибуналам», созданным в 1947 г. в целях укрепления идеологических основ режима. Вторая фаза «ульяновского дела» приходится уже на апрель 1952 г., но ее можно считать логическим и тематическим продолжением первой, поскольку ситуация вновь была связана с «самоснабжением» и «разложением» региональной партийной номенклатуры и хозяйственных работников, которые были расценены «наверху» как рецидив «местнического оппортунизма», поэтому, несмотря на, казалось бы, меньший масштаб, дело вновь было поднято на принципиальную идейно-политическую высоту: им занималась КПК и лично М. Ф. Шкирятов, устроивший тщательную экспертизу, результаты которой были утверждены постановлением ЦК ВКП(б). Оно содержало капитальный разбор всех политических ошибок Ульяновского обкома партии, в деятельности которого не было отмечено ни одного положительного момента [10, с. 283—284, 292].

Огромный общественно-политический резонанс вызвало «ленинградское дело», а также интенсивные разоблачения «буржуазных националистов» в рамках кампании борьбы с «безродным космополитизмом» в Эстонии в 1949—1950-х гг. «Ленинградское дело» стало крупнейшим идейно-политическим ударом по всей вертикали партийной власти. Оно явилось квинтэссенцией сталинской психополитической тирании — ревностным стремлением стареющего диктатора «напомнить» о непогрешимой роли Политбюро и ЦК, о чем красноречиво говорят формулировки постановления объединенного пленума Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) по итогам обсуждения постановления Политбюро «Об антипартийных действиях А. А. Кузнецова, М. И. Родионова и П. С. Попкова» от 22 февраля 1949 г. Руководители ленинградской партийной организации обвинялись в «противогосударственных действиях», «небольшевистском уклоне», заключавшемся в «охаивании ЦК», и стремлении «создать средостение между ЦК ВКП(б) и ленинградской организацией и отдалить таким образом ленинградскую организацию от ЦК ВКП(б)» [10, с. 186]. По инициативе Сталина усилиями МГБ СССР и КПК при ЦК ВКП(б) вновь была реализована грандиозная политическая фальсификация, с помощью которой было «доказано» существование «очага контрреволюции», охватившего все необходимые звенья: обком, горком, аппарат исполкомов советов и главное «местническое ядро» — РСФСР, объявленные рассадником «семейственности и групповщины», что в конце 1930-х гг. выступало одним из самых серьезных политических диагнозов. Это и можно рассматривать как явные признаки охватившей Сталина «идеи фикс», патологической подозрительности, о которых упоминал в своих мемуарах А. И. Микоян: «В последние годы Сталин нередко проявлял капризное упрямство, порожденное, видимо, его безграничной властью, ставил в тупик неожиданностью своих поступков и решений. Как-то в 1947 г. он выдвинул предложение, чтобы каждый из нас [членов Политбюро] подготовил из своей среды своих работников пять-шесть человек, которые могли бы нас заменить самих, когда ЦК сочтет нужным это сделать» [6].

«Ленинградское дело» приобрело масштабные региональные «отголоски», в частности, были смещены со своих постов первый секретарь Ярославского обкома партии И. М. Турко [10, с. 189], первый секретарь Крымского обкома Н. В. Соловьев [8, д. 1077, л. 66], начальник Горьковского областного управления МГБ П. Н. Кубаткин с пометой о возможности использовать его на вневедомственных участках работы [10, с. 192], а также первый секретарь Горьковского обкома ВКП(б) С. Я. Киреев, ввиду того, что были обнаружены «факты нарушения большевистского принципа подбора и расстановки кадров, протаскивания на руководящие посты неустойчивых и политически невыдержанных работников» [10, с. 196]. 23 марта 1949 г. вышло специальное постановление Оргбюро «О работе Горьковского обкома партии», в котором осуждались тесные взаимоотношения руководителей парторганизации с одним из «ленинградцев», а именно председателем Совета министров РСФСР Родионовым, ранее, в 1940—1946 гг., возглавлявшим Горьковскую область как первый секретарь обкома: «...Совет министров РСФСР и его бывший председатель т. Родионов допустили вредную практику опеки над Горьковской областью, своими неправильными действиями приучали некоторых руководителей партийных и советских органов области к иждивенчеству» [5, с. 186—189]. Тем самым с новой силой оказались задействованы давно апробированные методы контроля (см.: [11]).

Особое недоверие вызывали прибалтийские национальные республики, составлявшие так называемый советский Запад — Литва, Латвия и Эстония. Их рассматривали как наиболее уязвимые зоны, в которых антикоммунистическая пропаганда и сама обстановка геополитической напряженности, холодной войны могли выступить катализатором пробуждения «коллорационистских настроений». Для укрепления внутренней административно-политической и идеологической интеграции, усиления связи «новых республик», вернувшихся в состав «империи», сталинским руководством были предприняты решительные меры институционального характера еще в военный период. В ноябре 1944 г. были созданы специальные бюро ЦК ВКП(б) по Латвии, Литве и Эстонии, которые состояли из пяти человек: председателя, его заместителя, уполномоченного НКВД и НГКБ (затем МВД и МГБ) по соответствующей республике, первого секретаря компартии и руководителя Совнаркома. Бюро по Литве возглавил М. А. Суслов, по Эстонии и Латвии — Н. Н. Шаталин [2, с. 142]. Эти структуры функционировали как некие внутренние комендатуры, составленные из «сталинских эмиссаров», перед которыми была поставлена задача создания социальной базы режима. Политика «советизации» прибалтийских республик проводилась с помощью двух методов — «интернационализации» и коренизации партийно-советского аппарата, конечным результатом применения которых должен был стать эффект оптимального номенклатурно-кадрового и политического баланса: сочетания «национальной специфики» с соблюдением верховенства общесоюзных приоритетов.

С этой целью московское руководство организовало «кадровые вливания» — выдвижения на руководящую работу в национальном регионе коммунистов литовцев, латышей и эстонцев из «старых республик». Так, в Латвию, например, в течение 1945 г. было направлено на работу из других республик СССР 540 коммунистов-латышей, в Эстонию — 376. Общей тенденцией для всех трех республик, отмечает Е. Ю. Зубкова, «было увеличение удельного веса представителей титульных этносов по мере движения по управленческой вертикали — от высших органов к низшим. Например, среди первых секретарей укомов и горкомов партии Литвы, по данным на июль 1945 г., 24 человека, или 80 %, были литовцы» [2, с. 148]. В 1947 г. бюро для прибалтийских республик были ликвидированы, и *формально* право самостоятельного управления ими было предоставлено ординарным партийным структурам. Однако в реальности политический контроль не только не ослаб, но и, напротив, усилился. Делегирование «полноценных» полномочий было использовано как камуфляж для спланированной атаки. После трагических событий в ленинградской парторганизации сталинское руководство дало ход так называемому «эстонскому делу». Компрометирующие материалы против эстонских руководителей собирались давно, да и политические технологии тех лет сами по себе позволяли в любой момент выдвинуть самые немыслимые обвинения, тем не менее активная фаза наступила лишь в 1949 г. В литературе встречаются предположения, что причина этому — стремление усилить эффект от разоблачений ленинградских руководителей, дополнив их еще одним ответвлением этого направления: второй секретарь компартии Эстонии Г. Т. Кедров хорошо знал одного из «опальных ленинградцев», А. А. Кузнецова, поэтому судьба его была практически предрешена. 29 августа 1949 г. Кедров был освобожден от должности секретаря ЦК компартии Эстонии, после этого его вызвали в Москву, где его материалами занялась Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б), решением которой он был

исключен из партии, в октябре последовал его арест, а в 1952 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР он был осужден на 25 лет лишения свободы со ссылкой в Воркуту [9, с. 210]. Это стало прологом к «чисткам» в эстонской партийной организации. Через год, 7 марта 1950 г., вышло постановление ЦК ВКП(б) «О недостатках и ошибках в работе ЦК КП(б) Эстонии». Там говорилось, что ЦК КП(б) Эстонии «неудовлетворительно руководит делом приема в ряды ВКП(б), не проявляет при этом необходимой политической бдительности, ввиду чего имеют место факты проникновения в ряды партии кулаков, бывших членов военно-фашистских организаций, а также ряда лиц, боровшихся на стороне немецко-фашистских захватчиков против советской власти» [10, с. 249]. Кроме того, серьезные претензии предъявлялись к организации учебного процесса в высших учебных заведениях республики, констатировались попытки «протаскивания враждебных идей на семинарах и лекциях, допущения пользоваться книгами и учебниками с антисоветским содержанием», несмотря на то что в конце 1940-х — начале 1950-х гг. институты истории академий наук прибалтийских республик приступили к созданию обобщающих трудов по истории Эстонии, Латвии, Литвы в «ортодоксальном духе» [3, с. 312]. Первый секретарь ЦК компартии Эстонии Н. Г. Каротамм за защиту «буржуазных националистов» был освобожден от занимаемой должности и затем, несмотря на сравнительную мягкость наказания, ограничившегося лишь переназначением и направлением на «научно-партийную» учебу в аспирантуру АОН СССР, постоянно находился в напряженном состоянии, пытаясь отвести потенциальную карательную кульминацию его «дела» подобострастными письмами к Сталину [2, с. 314]. В целом же «эстонское дело» вполне вписалось в типологический ряд репрессивных кампаний и стало дополнительным подтверждением общего ужесточения контроля над всем социалистическим лагерем, в том числе восточно-европейскими сателлитами, путем вмешательства во внутренние дела стран и республик.

На примере судьбы Н. Г. Каротамма можно говорить об акцентировании еще одного эффективного метода политического контроля — системы партийного обучения и переподготовки партийных кадров. 25 октября 1948 г. вышло постановление Политбюро «О курсах переподготовки первых секретарей обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик, председателей облисполкомов, крайисполкомов и председателей Советов министров союзных и автономных республик», которое утверждало годичный курс идейно-политической переквалификации, заключавшийся в тщательном изучении модуля, состоявшего из семи дисциплин (краткий курс истории СССР, краткий курс истории ВКП(б), краткий курс диалектического и исторического материализма, промышленное, колхозное строительство, бюджетное дело, внешняя политика СССР и современные международные отношения) [10, с. 135—136]. 9 сентября была возобновлена работа Ленинских курсов при ЦК ВКП(б), которая была нарушена в период Великой Отечественной войны, а затем с 19 сентября специальным постановлением Политбюро создавались шестимесячные курсы переподготовки секретарей горкомов, райкомов при Высшей партийной школе, рассчитанные на коммунистов-активистов в возрасте до 40 лет, проявивших себя на руководящей работе [10, с. 141]. Таким образом, сталинский режим получал возможность зондировать степень идеологической индоктринации, осуществляя контроль за «успеваемостью» партийных работников, их соответствием требовавшимся качествам исполнителей

задач, устанавливаемых режимом. Это информационно-коммуникативное поле, фокусировавшееся в Высшей партийной школе, на Ленинских курсах, становилось некой опытно-исследовательской средой по продолжению конструирования советского, коммунистического мышления.

Подводя итоги, отметим, что послевоенный период характеризуется эскалацией напряженности обстановки внутри страны, тенденцией к жесткой консервации идеологических основ режима сталинской диктатуры. Реорганизации партийно-государственного аппарата, периодические «репрессивные атаки» против региональной партийной номенклатуры, постоянные испытания партийных руководителей на предмет идейной преданности — все это составило арсенал методов политического контроля, применявшихся во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. Последние преследовали двоякую цель: с одной стороны, нанести превентивный удар по «бюрократическим клиентеллам», уничтожить избыточную самостоятельность местных руководителей, возродить тотальную иерархическую дисциплину, что нашло отражение в конкретных «делах» — ульяновском, ленинградском, курском, рязанском и пр.; с другой — реализовать прагматичное направление, сформировать корпус квалифицированных административных работников, требующихся для бесперебойного функционирования социалистической экономики.

Библиографический список

1. *Баберовски Й.* Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М.: РОССПЭН, 2010. 855 с.
2. *Зубкова Е. Ю.* Прибалтика и Кремль, 1940—1953. М.: РОССПЭН, 2008. 351 с.
3. *Ильмарв М.* Идеологическая мотивировка в СССР в 1940—1941 и 1945—1950 гг. «событий» 1940 г. в Эстонии, Латвии и Литве // Советские нации и национальная политика в 1920—1950-е годы: материалы VI Международной научной конференции, Киев, 10—12 октября 2013 г. М.: Полит. энцикл., 2014. С. 304—315.
4. *Калинина О. Н.* Партийно-государственный контроль в номенклатурной системе (вторая половина 1940-х — начало 1960-х годов) // Исторический ежегодник, 2011: сборник научных трудов / Ин-т истории СО РАН. Новосибирск, 2011. С. 63—70.
5. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп., испр. М.: Политиздат, 1985. Т. 8: 1946—1955. 542 с.
6. *Микоян А. И.* Так было. М., 1999. URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/mikoyan/05.html> (дата обращения: 12.02.2015).
7. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР, 1945—1953 гг. / сост. О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий, Л. П. Кошелева и др. М.: РОССПЭН, 2002. 656 с.
8. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3.
9. *Таммисту К. И.* У нас, в Эстонии: двойник «Ленинградского дела» // Ленинградское дело. Л.: Лениздат, 1990. С. 199—213.
10. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945—1953 / сост. В. В. Денисов, А. В. Квашонкин, Л. Н. Малашенко и др.; Моск. гос. ун-т и др. М.: РОССПЭН, 2004. 496 с.
11. *Юдин К. А.* Репрессивная политика в отношении научно-педагогической интеллигенции Ивановской области в 1930-е гг.: методы и практика // Интеллигенция и мир. 2014. № 4. С. 56—73.

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

А. В. Уткин, Е. Л. Костылёва

К 85-Й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ О. С. ГАДЗЯЦКОЙ

Статья посвящена О. С. Гадзяцкой — отечественному археологу, внесшему значительный вклад в археологическое изучение древнейшей истории Ивановской области.

Ключевые слова: О. С. Гадзяцкая, археолог, неолит, эпоха бронзы, воловская и фатьяновская культуры.

The article is devoted to O. S. Gadzjatskaja — Russian archeologist who has made significant contribution to the archaeological study of the Ivanovo region ancient history.

Key words: O. S. Gadzjatskaja, archaeologist, Neolithic, Bronze Age, Volosovo and Fatjanovo cultures.

О. С. Гадзяцкая. 1950-е годы

Работы Ольги Сергеевны Гадзяцкой хорошо известны специалистам, изучающим древнейшее прошлое Центральной России. В составе Верхневолжской экспедиции института археологии АН СССР (РАН) в 1960-е гг. она проводила исследования и на археологических памятниках Ивановской области. Вместе с Д. А. Крайновым О. С. Гадзяцкая стояла у истоков изучения неолитических стоянок вблизи озера Сахтыш (Тейковский район), получивших впоследствии мировую известность. На стоянке Сахтыш II ею был исследован могильник воловской культуры III тыс. до н. э., получены прекрасные ма-

териалы по погребальной обрядности, ритуалам, материальной и духовной составляющим жизни «волосовцев». Добытая в ходе этих раскопок солидная коллекция артефактов, в том числе и произведений древнего искусства, хранится в фондах археологического музея ИвГУ и представлена в его экспозиции. Небольшие раскопки были ею предприняты и на стоянке Сахтыш VII. Принимала О. С. Гадзяцкая участие и в раскопках археологических памятников, расположенных на востоке Ивановской области — на р. Лух (Стрелка I и II, Поляна, Клячино I и II и др.). Однако наиболее значительный вклад был

© Уткин А. В., Костылёва Е. Л., 2015

сделан исследовательницей в изучение могильников фатьяновской культуры эпохи бронзы. О. С. Гадзяцкая участвовала в разведках и раскопках могильников, проводившихся Д. А. Крайновым, провела самостоятельные раскопки на Милославском, Заборьевском, Кривцовском, Скомороховском и других могильниках, результатом чего стали диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, монографический свод памятников Ивановско-Горьковской группы фатьяновской культуры и серия статей в различных изданиях.

О. С. Гадзяцкая родилась 6 февраля 1931 г. в Москве. Ее отец — Сергей Сергеевич Гадзяцкий, сын действительного статского советника С. А. Гадзяцкого, историк по образованию, занимался изучением средневековой Северо-Западной Руси, Новгорода Великого. Именно благодаря отцу Ольга еще в детстве полюбила старые пожелтевшие книги, поездки по уцелевшим подмосковным монастырям и дворянским усадьбам. Мать — Валентина Антоновна (урожд. Вержбицкая) учила дочь любить природу, ценить жизнь. Семья жила в Староконюшенном пер. близ Арбата в ветхом двухэтажном доме, чудом не сгоревшем в пожаре 1812 г., рядом с церковью XVII в. Окружающая обстановка, пропитанная духом истории, определила и выбор профессии: после окончания с серебряной медалью школы Ольга поступила на исторический факультет МГУ, где училась на кафедре археологии, ездила в экспедиции Б. Н. Гракова, К. Ф. Смирнова, Б. А. Рыбакова. В 1954 г. она с отличием закончила университет и была рекомендована в аспирантуру ГИМ. Она собиралась заниматься тагарской культурой, ездила с экспедицией М. П. Грязнова с Сибирь. Однако обстоятельства сложились так (болезнь, закрытие аспирантуры в ГИМе), что ей пришлось на время прервать свои занятия.

В 1958 г. в связи с подготовкой многотомного издания Свода археологических памятников директор Института археологии АН СССР Б. А. Рыбаков проводит набор новых сотрудников, в числе которых оказалась и О. С. Гадзяцкая. Ее приняли на должность младшего лаборанта и «прикрепили» к Д. А. Крайнову, который должен был готовить Свод памятников по фатьяновской культуре. Так начались многолетние труды О. С. Гадзяцкой под руководством Д. А. Крайнова и вместе с ним. Это были сбор сведений и зарисовка коллекций во всех музеях больших и малых городов, народных музеях, школах, разведка и обследование всех мест случайных находок топоров и керамики фатьяновской культуры, раскопки могильников, написание научных отчетов по результатам полевых работ и подготовка публикаций. Кропотливая длительная работа завершилась

О. С. Гадзяцкая с Д. А. Крайновым
на раскопках стоянки Вашутинская.
1984 г.

изданием не одного, а четырех Сводов по памятникам фатьяновской культуры (два Свода были опубликованы Д. А. Крайновым, один — О. С. Гадзяцкой и еще один — в их соавторстве).

Ольга Сергеевна не гнушалась никакой работы, сама расчищала погребения и разработала почти идеальную методику этого процесса. Будучи хорошей рисовальщицей, выполняла все графические работы: вела планы, зарисовывала погребения, перебеливала чертежи, готовила рисунки к отчетам и публикациям. Ею был создан единый канон графических изображений глиняных сосудов, боевых и клиновидных топоров.

Полевые сезоны О. С. Гадзяцкой в Ивановской области завершились в 1969 г. раскопками памятников на р. Лух, а последние полевые работы проводились на стоянке Вашутинская в Ярославской области в 1983 г. До 1993 г. О. С. Гадзяцкая работала в ИА АН СССР (РАН), последние 20 лет выполняя обязанности ответственного секретаря Кратких сообщений Института археологии.

Ивановские коллеги искренне поздравляют Ольгу Сергеевну Гадзяцкую со знаменательной датой и желают ей сохранять бодрость духа и ясность мысли на долгие времена.

Основные публикации О. С. Гадзяцкой по археологии Ивановской области

Гадзяцкая О. С. Милославский фатьяновский могильник // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М. : Наука, 1963. С. 88—96.

Гадзяцкая О. С. Фатьяновский могильник балановского типа в Ивановской области // Советская археология. 1963. № 1. С. 284—289.

Гадзяцкая О. С. Фатьяновский могильник у деревни Кривцово // Краткие сообщения Института археологии. 1964. Вып. 101. С. 126—134.

Гадзяцкая О. С. Костяные изделия стоянки Сахтыш II // Краткие сообщения Института археологии. 1966. Вып. 106. С. 16—26.

Гадзяцкая О. С. Фатьяновские могильники в Костромской и Ивановской областях // Краткие сообщения Института археологии. 1969. Вып. 115. С. 70—78.

Гадзяцкая О. С. История населения Верхнего Поволжья в эпоху бронзы : (ивановско-горьковские памятники фатьяновской культуры) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972. 26 с.

Гадзяцкая О. С. Раскопки фатьяновских могильников на левобережье Клязьмы // Памятники древнейшей истории Евразии. М. : Наука, 1975. С. 181—185.

Гадзяцкая О. С. Памятники фатьяновской культуры : Ивановско-Горьковская группа // Свод археологических источников. М. : Наука, 1976. Вып. В1-21. 135 с.

Гадзяцкая О. С. Стоянки на р. Лух // Краткие сообщения Института археологии. 1984. Вып. 177. С. 56—62.

Гадзяцкая О. С. Стоянка Сахтыш VII // Краткие сообщения Института археологии. 1986. Вып. 185. С. 82—88.

Гадзяцкая О. С. Фатьяновский компонент в культуре поздней бронзы (Волго-Клязьминское междуречье) // Российская археология. 1992. № 1. С. 122—141.

Гадзяцкая О. С., Крайнов Д. А. Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья // Краткие сообщения Института археологии. 1965. Вып. 100. С. 29—39.

Гадзяцкая О. С., Крайнов Д. А. Энеолитическое поселение Стрелка I в бассейне р. Клязьма // Российская археология. 2002. № 2. С. 111—131.

Крайнов Д. А., Гадзяцкая О. С. Археологические исследования в Верхнем Поволжье // Археологические открытия 1966 года. М. : Наука, 1967. С. 21—24.

Крайнов Д. А., Гадзяцкая О. С. Исследования в Верхнем Поволжье // Археологические открытия 1967 года. М. : Наука, 1968. С. 23—25.

Сведения об авторах

- БАЛДИН Кирилл Евгеньевич** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Ивановский государственный университет. kebaldin@mail.ru
- ЕВСЕЕВ Владимир Александрович** доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет. yevseyev@mail.ru
- ЗОБНИН Алексей Владимирович** кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ интеллигентоведения, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет. alexzobnin1982@gmail.com
- ИЛЬИН Юрий Александрович** доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории, Ивановский государственный университет. Iyin37@mail.ru
- КОСТЫЛЁВА Елена Леонидовна** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Ивановский государственный университет. elkos-ty-le-va@mail.ru
- ОСИПОВА Наталья Александровна** аспирантка кафедры новейшей отечественной истории, Ивановский государственный университет. natalia-burova2008@yandex.ru
- ПИКИН Андрей Валентинович** аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет. andrewvpikin@gmail.com
- УТКИН Александр Витальевич** сотрудник археологического музея, Ивановский государственный университет. (4932) 32-61-88
- TREUILLOT Julien** Doctorant Université Paris, Panthéon-Sorbonne, Histoire de l'art et Archéologie. julien.treuilhot@me.com
- ЮДИН Кирилл Александрович** кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ интеллигентоведения, Ивановский государственный университет. kirill-yudin.hist@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«ВЕСТНИКА ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

8. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»
2015. Вып. 4 (15). История**

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
редакторы *О. В. Батова, В. А. Киселева*
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 17.12.2015 г.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 6,0. Тираж 100 экз. Заказ № 285. Цена свободная

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (0932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru